

Сотник. Беру все на себя

Автор:

Евгений Красницкий

Сотник. Беру все на себя

Евгений Сергеевич Красницкий

ОтрокСотник #1

Хотим мы того или не хотим, но такая беспощадная и зачастую грязная вещь, как политика, в той или иной степени касается каждого из нас. Политики же или, выражаясь иначе, управленцы высшего звена местного, регионального или общегосударственного уровня – такие же живые люди, как и все остальные, и ничто человеческое им не чуждо. Вот с этими-то людьми и предстоит столкнуться Мишке Лисовину в статусе уже не просто отрока, а сотника.

Евгений Красницкий

Сотник. Беру все на себя

© Евгений Красницкий, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Автор сердечно благодарит за помощь, советы, критику и плодотворные дискуссии пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru> (<http://www.krasnickij.ru/>): serGild, Старый, ml-ad, Namejs, deha29ru, Иринико, kea, Kathrinander, iguana1972,

Ульфхеднар, al1618, pythonwin, гамаюн, проходилмимо, Ротор и многих, многих других.

Автор приносит глубочайшие извинения Сергею Александровичу Гильдерману за то, что в книге «Отрок. Богам – божье, людям – людское» не было указано его авторство пародии на Шекспира:

Две равноуважаемых семьи

Прибыли в погорынские селенья...

Особую же признательность автор выражает Евгению Геннадиевичу Коненкину – редактору первых книг «Отрока». Без его высочайшего профессионализма, терпения и такта серия «Отрок» просто не состоялась бы. По мнению автора, это как раз тот случай, когда полностью справедливым будет высказывание: «У меня нет формального права называться Вашим учеником, но никто не может запретить мне считать Вас своим учителем».

Пролог

Киевская Русь. 1125 год

Итак, любезный читатель, давайте попробуем взглянуть на Киевскую Русь если не «с высоты птичьего полета», то с высоты знаний людей XXI века. Только не так, как это делается в школьных учебниках истории или других умных книгах, где мы привычно обнаруживаем описание целых исторических периодов, превышающих длительностью жизнь целых поколений, например, «Киевская Русь XI–XIII веков», а по-иному. Как? Да вот так, как увидел бы ее наш герой Михаил Андреевич Ратников, он же боярич Михаил сын Фролов из рода Лисовинов, он же Бешеный Лис, он же «засланец» или, если угодно, «попаданец» из самого-самого конца века двадцатого (если кому-то удобнее – последнего десятилетия XX века) в век двенадцатый (опять же, в первую четверть XII века). Сейчас он пребывает в 1125 году. Вот на Русь как раз этого года мы и попробуем взглянуть.

Глянули и... ох, мама моя (кто-то наверняка выразится и покрепче), князей-то! М-да, изрядно, а если быть более точным – 22 человека! И это только те князья, которые имеют в своей власти целое княжество или хотя бы крупный по тем временам город с прилегающими землями. Есть же еще и толпа тех, кто по рождению и князь, а вот княжества или удела не имеет, так – сельцо или городок малый, а то и вообще ничего. И точно подсчитать их количество невозможно, ибо в летописях они упомянуты далеко не все – то ли не удостоились, то ли вымараны при последующих редакциях, то ли просто не повезло войти в историю Отечества. Или влипнуть. Случается и такое, понеже историю пишут победители, а они имеют привычку изображать поверженных врагов так, что и мама родная не узнала бы. Впрочем, и себя, любимого, тоже расписывали до неузнаваемости, но не со знаком «минус», естественно, а со знаком «плюс».

«И как же во всем этом разобраться?» – спросит обалдевший (и это еще мягко сказано!) читатель. Да, сложно. Ведь мало того, что имена-отчества у князей похожи – как попало-то князя не назовешь, имеется традиционный список престижных имен, мало того, что имен, как минимум, два – княжье и христианское, так еще и фамилия у всех одна – Рюрикович!

Просто беспредел какой-то! Скажем, знаем мы все (или почти все) имя князя Ярослава Мудрого, а окрещен-то он был Георгием! Знаем (будем надеяться, все) Владимира Крестителя Руси, а «по паспорту» он, оказывается, Василий! И тезка его – Владимир Мономах – тоже Василий! То-то в сказках они слились в единого персонажа Владимира Красно Солнышко! А на печатях, которыми Александр Невский скреплял свои грамоты, написано и вовсе «Федор», правда, есть мнение, что пользовался он родительской печатью и Федором числился в церковных записях все-таки папа Ярослав, а не сын Александр. Вот поди тут и разберись!

Ох, грехи наши тяжкие... даже «прописка» не помогает! Хорошо, например, французам! Как был некто, скажем, герцогом Бургундским или Нормандским, так им и помер, а дети-внуки опять Бургундские или Нормандские (хотя и там тоже по-всякому случалось), но наши-то постоянно переезжали! Туда-сюда, туда-сюда... И чего им на месте-то не сиделось? Ей-богу, шило в... там, в общем. То он князь Смоленский, то Туровский, то Переяславский, а то и вовсе Киевский, великий! А были же и такие, что не по одному разу... вон, Юрий Долгорукий аж дважды великим Киевским был! Черти его носили... нет, ну вы только подумайте! Владимир – будущая столица Владимирской Руси – у него же в

княжестве! Москву, столицу нашей Родины, сам основал! Мало ему! Еще одну столицу подавай – Киев! Ну и помер, конечно, князем Киевским со второй попытки. А чего ж еще ждать-то при таком нездоровом образе жизни?

Но вернемся все-таки к 1125 году. Осень. Великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах умер в мае. На Киевский великий стол сел его сын Мстислав Владимирович (еще не Великий, но потом получит это прозвище). Пересел он в Киев из Переяславля, а на его место переехал его брат Ярополк, а на место Ярополка переехал... многие, в общем, со стола на стол пересели. Все как-то устаканилось, все сделали вид, будто лестничное право еще соблюдается, и... кое-кто начал оглядываться вокруг себя на предмет спихнуть соседа и занять его место. Впрочем, не обязательно для себя – можно и для брата-сына-племянника постараться. Но на какое-то время езда с места на место прекратилась, а потому можно именовать князей по «месту регистрации», чтобы не запутаться.

И что же мы наблюдаем с высоты... ну, с которой наблюдаем.

Владимирко Звенигородский, Ростислав Перемышльский, Игорь Галицкий, Ростислав Тербовльский, Изяслав Пинский, Вячеслав Клецкий...

«Ой, мама!»

Ярослав Черниговский, Всеволод Муромский, Всеволод Северский, Всеволод Новгородский...

«Три Всеволода, обалдеть!»

Изяслав Смоленский, Мстислав Киевский, Ярополк Переяславский, Вячеслав Туровский, Юрий Суздальский...

«Да когда ж вы закончитесь-то?!»

Андрей Волынский, Всеволодко Городненский, Давыд Полоцкий, Рогволд Друцкий...

«Мать, перемать...»

Ростислав Лукомский, Святослав Витебский, Брячеслав Изяславльский.

«Уф, все, кажется...».

И не надо, любезный читатель, делать несчастное или удивленное выражение лица, типа: «За что это мне?» или «Зачем это мне?» А чтобы знали! Потому что это еще не самая крутизна, по-настоящему круто будет на сотню лет позже, когда в одном Рязанском, к примеру, княжестве князей будет аж два десятка! По сравнению с этим двадцать два князя в 1125 году – ничего особенного.

«Но ведь не запомнить же!» А и не надо! Ну-ка, поднимите руки те, кто может с ходу перечислить фамилии губернаторов любых двадцати регионов современной Российской Федерации. Ах, не можете?

Вот именно! Могут только те, кому эти сведения нужны по работе или... ну, всякие же хобби у людей бывают, может, значит, быть и такое – губернаторов знать. А остальные знают своего, может быть соседнего, да еще знаменитостей, подавшихся в губернаторы, типа генерала Лебедея или актера Шварценеггера... Об остальных же чаще всего узнают, когда те убиваются в ДТП или авиакатастрофах, да еще если в крутой скандал влипнут.

И это – при наличии мощнейшего информационного потока, формируемого средствами массовой информации! А что прикажете делать нашему герою Мишке Лисовину, у которого ни газет, ни радио, ни телевидения, ни Интернета? Самое мощное средство массовой информации, которое ему доступно – бабы-сплетницы возле колодца. В летописи-то князья попадали примерно по тем же причинам, что и губернаторы в наше время. Нет, авиакатастрофы тогда, по понятным причинам, были не в моде, а ДТП случались намного реже, чем сейчас, но бывали – падали с коней и калечились-убивались, а вот скандалов, да еще с

применением оружия... нам такого и не снилось! Про иного князя мы, зачастую, только потому и знаем, что он был упомянут в списке участников того или иного военного похода. Был, мол, такой и вместе с таким-то и таким-то ходил воевать каких-нибудь земгалов или черемисов, а то и вовсе соседа Рюриковича. И больше никаких подробностей.

А как мы, любезный читатель, сейчас узнаем какие-либо подробности о главах других регионов? Чаще всего это происходит в тех местах, где собираются люди из разных мест нашей необъятной России-матушки – в Анталиях, в Сочах и т. п. В Куршавеле? Нет, пожалуй. Во-первых, там бывают далеко не все, а во-вторых, сильно сомневаюсь, что среди оттягивающихся в Куршавеле найдется хоть один читатель «Отрока». Не тот контингент, согласитесь, любезный читатель, отнюдь не тот.

В местах же попроще, собравшись приятной компанией, под напитки и закусочку, текут и текут беседы о судьбах многострадального отечества... И вот тут-то мы про глав регионов все и узнаем! Этот пьяница, этот взяточник, а тот и вовсе козел универсальный с электро-гидравлическим приводом и градусником в... сзаду. Ну, не принято у нас хвалить власть, дурным тоном считается. Нет, в письменном виде или в официальных выступлениях – сколько угодно, хоть лопатой отгребай, а вот в неофициальном общении – не дождетесь!

Так и герой наш Мишка Лисовин может черпать сведения о расстановке политических сил только в личном общении со знающими людьми, а потому такого может послушаться, такого... Но ему-то эта информация нужна «по работе»! Вот попал! Тем не менее, никуда ему не деться, придется слушать все и отделять зерна от плевел самостоятельно.

«А как же было на самом деле?» – спросит пытливый читатель. Отвечаю: в подробностях этого не знает никто! Летописи подчищались и перевирались, других документов до нас дошло очень немного, а иностранные хронисты порой несли про Русь такое, что хоть святых выноси! И барон Мюнхгаузен в этом деле отнюдь не был первооткрывателем или рекордсменом – бывало и почище! Чего стоит хотя бы «Царство пресвитера Иоанна», в существовании которого были убеждены просвещенные европейцы времен крестовых походов. Лежит, мол, где-то восточнее Киевского герцогства замечательная страна, где мудро правит пресвитер Иоанн. Страна та богата, благополучна и благонравна, а населяют ее сплошь добрые католики! О, как! Да что там говорить, даже у Наполеона Бонапарта на картах восточнее Москвы была изображена «Великая Татария», а

сам он был убежден в существовании в Российской империи бояр. Это при дворе-то Александра I! Каково, а? И ведь не идиотом был знаменитый корсиканец, а в такую чушь верил. Да, таков был, извините за выражение, «уровень научных знаний». Так что американцы, с их белыми медведями, шляющимися по улицам русских городов, даже на продолжателей великих традиций глобального вранья не тянут – мелочевка![1 - Вот перл, который автор своими ушами услышал в Гарвардском университете от профессора, преподающего историю будущей элите США. «Современные исследования показывают, что декабристы «Южного общества» исповедовали идеалы демократии примерно в том же ключе, что и Михаил Горбачев, а декабристы «Северного общества» – примерно так же, как Борис Ельцин».]

Нет, конечно же, историки и археологи постоянно добывают все новые и новые сведения, используя, кроме традиционных методов, и достижения других наук. Есть и дендрохронологический метод, и радиоуглеродный, и анализ, проводимый по косвенным данным, и еще много всякого, но, увы, «совершенно точно» мы будем знать историю только после того, как будет изобретена машина времени, а пока приходится довольствоваться тем, что есть.

И не надо удивляться и огорчаться. Возьмите, для сравнения, подшивку газет двадцатилетней давности или пошарьте по Интернету и попробуйте понять, что «на самом деле» происходило в нашей стране в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Если не всеобъемлюще, то хотя бы попытайтесь сформулировать ИСТИННОЕ значение таких терминов, как «перестройка», «департизация», «межрегиональная депутатская группа» или «Демократическая Россия». Попробуйте, и вы поймете, как нелегко приходится историкам, которые изучают период не двадцати-, а девятисотлетней давности.

И все же, любезный читатель, может быть, попытаемся разобраться в том, что творилось на Руси в конце первой четверти XII века? Без подробностей, разумеется, ибо все равно они не запомнятся, но хотя бы так, чтобы представлять себе общую обстановку. На самом деле, все не так уж сложно, как кажется на первый взгляд.

Упомянутые два десятка князей достаточно четко делятся на пять группировок – пять ветвей рода Рюриковичей. Родоначальниками четырех из них являются внуки Ярослава Мудрого, а еще одной ветви – сын Владимира Крестителя и полоцкой княжны Рогнеды – Изяслав Владимирович. Вот с этой-то ветви и

начнем.

Вряд ли стоит здесь повторять летописное сказание о том, как еще совсем юного Владимира женили на полоцкой княжне, предварительно взяв Полоцк штурмом и перебив родню этой самой княжны, а впоследствии, уже в зрелом возрасте, Владимир выгнал Рогнеду обратно в Полоцк, чтобы освободить брачное ложе для цареградской принцессы. Эта история довольно широко известна.

Важно другое – Полоцкий стол (владевший примерно теми землями, которые ныне называются Белоруссией) так и закрепился за потомками Изяслава Владимировича, а сама эта ветвь рода Рюриковичей оказалась в довольно двусмысленном, с династической точки зрения, положении. Изяслав, вроде бы и старший (из выживших) сын, а следовательно, родоначальник старшей ветви рода, но рожден-то «в блуде», ибо брак Владимира и Рогнеды не был освящен христианской церковью – оба они тогда были еще язычниками! Впрочем, это же относится и к другим сыновьям, появившимся на свет до принятия Владимиром христианства, к тому же Ярославу Мудрому, например. Но Изяслав умер раньше отца, и, по лествичному праву, все его потомки утратили право на великое княжение, а Ярослав папашу пережил.

Налет полоцких князей на заприпятские земли Туровского княжества, который автор, честно говоря, выдумал, вообще-то, не первый. Например, в 1116 году Глеб Минский сжег Слуцк и захватил огромный полон в северных областях Туровской земли. Ответом на это стал поход Мономаха с сыновьями. Мономашичи захватили Оршу и Друцк, а сам великий князь Владимир Всеволодович осадил Глеба в Минске, но когда тот покаялся и запросил мира, Мономах город штурмовать не стал, а ограничился формальными изъявлениями покорности Глеба.

Всего через три года, в 1119 году, неугомонный Глеб Минский снова схлестнулся, Мономаховым родом, но теперь уже ему пришлось иметь дело не с самим Мономахом, а с его старшим сыном Мстиславом. И это оказалось куда серьезнее! Мстислав взял Минск, разорил его почти до полного запустения, а самого князя Глеба вывез в цепях в Киев, где тот в заключении и умер.

Интересно, что при противостоянии Глеба Минского с Мономахом и Мономашичами позиция остальных полоцких князей постоянно менялась. Если в 1116 году они даже помогали великому князю Киевскому осаждать Минск, то об их помощи в борьбе против князя Глеба три года спустя никаких сведений нет, а

еще чуть позже полоцкие князья в полном составе будут воевать против Киева.

Почему Мстислав оказался более жестоким, чем Мономах, зачем полоцким князьям понадобились заприпятские земли Туровского княжества? Одна из причин становится ясной, стоит только взглянуть на географическую карту. Путь «из варяг в греки» севернее Киева начинает ветвиться, разделяясь на четыре направления. Первое – через Припять, Западный Буг и Вислу. Второй – через Припять, Случь и Неман. Третий – через Днепр и Западную Двину. Четвертый – через Днепр, Ловать, озеро Ильмень, Волхов, Ладожское озеро и Неву. Две ветви – первая и четвертая – находятся под контролем Мономашичей, и две – вторая и третья – под контролем полоцких князей. Они конкуренты!

Не потому ли, что Мстислав долго княжил в Новгороде Великом и успел пропитаться там духом борьбы с конкурентами любыми доступными средствами, он и расправлялся с полочанами с такой жестокостью? Если так, то с восхождением Мстислава на Киевский стол (а его сына Всеволода – на стол Новгородский), перспектива серьезных проблем стала для полоцкой ветви рода Рюриковичей вполне очевидной. Людьми же полоцкие князья были твердыми и решительными, а потому принять превентивные меры против киевской угрозы вполне были способны.

Если бы полочанам удалось захватить Пинск и закрепиться на северном берегу Припяти, то они могли бы напрочь перекрыть транзитный путь «Припять – Западный Буг – Висла» и перенаправить весь грузопоток через себя, любимых, а Мономашичам осталась бы лишь четвертая, новгородская, ветвь пути «из варяг в греки» – самая длинная и неудобная.

Разумеется, это была не единственная причина противостояния полоцких Всеславичей и Мономашичей, там целый комплекс причин имелся, но мы-то с вами, любезный читатель, договорились рассматривать проблему с высоты знаний людей XXI века! А нам-то Украина и страны Балтии очень хорошо показали, как выгодно «сидеть на транзите», получая нехилые дивиденды от «торговли географией». Поэтому нам удобнее всего будет понять и запомнить, что борьба между Всеславичами и Мономашичами велась за контроль над интермодальным коридором[2 - Интермодальный коридор – международный транспортный (а в последнее время и информационный) коридор глобального стратегического значения, существующий десятилетиями, а то и веками. Самый древний из известных интермодальных коридоров – Великий Шелковый путь. Именно к таким транспортно-экономическим феноменам относился и путь «из

варяг в греки». Сам термин «интермодальный» означает «скоординированный по всем составляющим».]. Ну, а остальные причины известны специалистам. Кому интересно, могут почитать специальную литературу.

Вот они, полоцкие соперники Мономашичей: князя Рогволд Друцкий, Ростислав Лукомский, Святослав Витебский, Брючеслав Изяславльский, во главе с главой рода Давыдом Всеславичем, князем Полоцким. Всего пять князей, имена которых донесли до нас летописи и другие сохранившиеся с тех времен источники.

Остальные ветви рода Рюриковичей, правившие на Руси в 1125 году, ведут свое начало от внуков Ярослава Мудрого. Ничего удивительного в этом нет – в усобице 1015–1024 годов, начавшейся после смерти Владимира Крестителя, выжили всего трое его сыновей из двенадцати. Ярослав (позже получивший прозвище Мудрый), Мстислав и Судислав, правивший в Пскове и в борьбу за киевский стол не влезавший. Однако Мстислав спустя несколько лет умер бездетным – по официальной версии, погиб на охоте. Сведений же о детях погибших в усобице братьев Ярослава Мудрого очень мало, во всяком случае, в борьбе за великое княжение Киевское они участвовать возможностей не имели. Больше так же активно, как после смерти Владимира Крестителя, Рюриковичи самоистреблением не занимались, поэтому клан их разросся, а родство стало столь отдаленным, что уже не препятствовало внутриклановым бракам, хотя православие относится к бракам между родственниками гораздо строже, чем католицизм.

Вторая группировка, которая тоже не питала нежных чувств к Мономашичам, это князья Перемышльские (позже эти земли получили наименование «Галиция»). Потомки старшего внука Ярослава Мудрого – Ростислава – так и стали называться Ростиславичами. Сели они на свои княжеские столы после смерти отцов всего за год до описываемых событий – в 1124 году – и разделили княжество Перемышльское на четыре удела: Перемышль, Галич, Звенигород и Теремовль. Резались между собой так, что приходилось вмешиваться Киеву, воевали с соседями – русскими князьями, болгарами, поляками, венграми – и все время поглядывали на Волынь, которая когда-то была дана их роду, но потом передана Киевом в другие руки. На Любечском княжеском съезде в 1097 году, разделившем Русь на владения отдельных ветвей рода Рюриковичей, Ростиславичам не удалось вернуть себе Волынь, что не прибавило им любви к Киеву.

Давайте, любезный читатель, не будем больше углубляться в то, кто у кого какой кусок оттягал, кто на ком женился и прочие подробности, – только запутаемся и устанем. Лучше попробуем определить, чем ветвь Ростиславичей может быть понятна (а потому запомнится) человеку начала XXI столетия. Таких обстоятельств два.

Первое – «из варяг в греки» можно было пройти не только по Днепру через Киев, но и по Днестру через владения князей Перемышльских. Так что и они тоже «сидели на транзите», хотя товаропоток по Днестру был существенно жиже, чем по Днепру. Но кроме водного пути они контролировали еще и очень важный сухопутный маршрут: Киев – Краков – Прага – Регенсбург. Плюс к этому, Ростиславичи владели богатейшими соляными копиями – по тем временам просто золотое дно! Киев, разумеется, желал иметь во всем этом свою долю, а Ростиславичи, вполне естественно, делиться не желали – и так у них Волынь отняли.

Вот эти-то противоречия с Киевом и определили во многом второе обстоятельство: князей Перемышльских, пожалуй, можно назвать предтечами «западенцев». Да-да, все начиналось отнюдь не с гетманов Мазепы и Скоропадского или со Степана Бандеры! Еще и «клятых москалей» в природе не существовало, за отсутствием самой Москвы, а «западенцы» уже начали образовываться, и Византия им оказалась ближе, чем Киев и Киевская Русь.

Что ж, любезный читатель, разве не знакомы нам «деятели», для которых «светом в окошке», примером для подражания ВО ВСЕМ и надеждой на спонсирование является не собственная страна, а США или Великобритания? Так же, как в середине XX века кое-кто тянулся подальше от Москвы и поближе к Берлину? Вот так же и тогда для князей Перемышльских: в Киеве враги, а в Царьграде... ну, скажем, «добрый дядюшка».

«Незалежный шлях» берет свое начало еще из тех времен! Потом Перемышльское княжество превратится в Галицкое, потом оно вберет в себя Волынь, потом примет униатство и подчинится власти Папы Римского, потом... Кто только впоследствии не хозяйничал на этой земле! Для великоросского менталитета выглядит странным поиск повода для гордости в том, что твоя земля доступна чуть ли не каждому, но постоянно не принадлежит никому! Однако это есть... [3 - В 1971 году, в самом сердце Карпат, автору довелось беседовать с егерем в заповеднике. Отец и дед этого человека тоже были егерями, и он с гордостью (!) рассказывал о том, что любая власть выдавала ему

(и его предкам) разрешение на ношение оружия. «От всех есть! – говорил он. – От императора Франца-Иосифа, от Скоропадского, от Петлюры, от Пилсудского, от Гитлера, от Сталина... все ушли! И вы уйдете!» Автор тогда только усмехнулся (молодой был, а Советский Союз казался незыблемым, хотя существовать ему оставалось всего двадцать лет). Теперь это все видится иначе.]

Впрочем, американцы говорят: «Моя страна не права, но это – моя страна!» Может быть, и здесь примерно то же самое? Так стоит ли смешить людей поисками «древних укров», если можно просто повнимательнее присмотреться к реальной истории? Начало же всему этому положили князья Перемышльские. Осенью 1125 года их было четверо: Владимирко Звенигородский, Ростислав Перемышльский, Игорь Галицкий и Ростислав Теробовльский.

Так что, любезный читатель, есть на карте Киевской Руси 1125 года два пятна, где правят две старшие ветви рода Рюриковичей и где Киев, мягко говоря, не жалуют – княжество Полоцкое и княжество Перемышльское, а в привычных нам терминах – будущая Белоруссия и будущая Галиция.

Есть и еще такие пятна, но о них поговорим позже, поскольку сейчас у нас речь пойдет о третьей по старшинству ветви Рюриковичей – Святополчихах[4 - Еще раз напомню: речь идет не об известном многим Святополке Окаянном (брате Ярослава Мудрого), а о Святополке II (правнуке Ярослава Мудрого).], а она своего княжества не имеет.

Внук Ярослава Мудрого Святополк Изяславич получил великое княжение Киевское в соответствии с лествичным правом и главенствовал над Русью до самой своей смерти в 1113 году. А вот дальше начались неприятности. По старшинству рода на Киевский стол должен был взойти кто-то из троих братьев из следующей ветви – Святославичей, но... (ох уж это проклятое «но»!). В Киев без очереди влез Владимир Мономах, которому по правилам предстояло еще ждать и ждать! Утвердился и княжил целых двенадцать лет, а потом передал великое княжение не тем, кому было положено, а своему старшему сыну Мстиславу.

Для князя Ярослава (того самого, что по воле автора был другом молодости Корнея Лисовина) – старшего сына Святополка Изяславича – Мономах стал фигурой роковой. Получив в свое распоряжение Волынь, Ярослав претендовал еще и на турово-пинские земли, тем более, что в Пинске и Турове сидели его

младшие братья Изяслав и Брячислав, правда, не полновластными князьями, а, по молодости лет[5 - Брячиславу Святополчичу на момент смерти отца в 1113 году было всего девять лет.], лишь на кормлении.

Что уж там произошло между Мономахом и Ярославом, сейчас сказать трудно – летописцы всю вину за конфликт возлагают на Ярослава, но это и неудивительно, историю-то пишут победители, а победителем был Мономах. Сначала он два месяца осаждал князя Ярослава во Владимире-Волынском, дабы принудить к повиновению, и, по свидетельству летописцев, принудил. Но через год «выбеже Ярослав Святополчич из Володимерея в угры, и бояре его отступиша от него». Потом князь Ярослав пришел возвращать себе Волынь с польскими и венгерскими войсками, но при осаде стольного града был убит.

Конфликт между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополчичем, надо полагать, был очень серьезным, вплоть до того, что Ярослав выгнал свою жену – внучку Мономаха, на которой он был женат вторым браком.

Для чего вам, любезный читатель, знать все эти подробности? Ну, во-первых, потому, что именно с этой ветвью рода Рюриковичей, авторским произволом, состоит в родстве Корней Лисовин, а значит, и его внук Мишка. А во-вторых... История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но все же...

Ведь Ярослава Святополчича, так же как и князей Перемышльских, тоже можно считать предтечей «западенцев» – первым браком он был женат на сестре польского короля Болеслава Кривоустого, а сам Болеслав женился на сестре Ярослава Сбыславе Святополковне. Сочувствие своим бедам (вплоть до предоставления войск) Ярослав находил и при польском дворе, и при венгерском, а вот с Киевом дошло до вооруженных столкновений.

Представим себе на минутку, что победил в конфликте не Мономах, а Ярослав, и ему удалось бы сколотить антикиевскую коалицию из княжеств Перемышльского, Волынского и Турово-Пинского (почти четверть Киевской Руси!). А не имели бы мы сейчас, вместо просто Западной Украины, самостоятельное государство типа Македонии или Словакии?

Что ж получается? Выходит, войска НКВД-МГБ СССР, шерстившие Западную Украину в конце первой половины XX века, были продолжателями дела Владимира Мономаха? А нам – солдатикам полка КГБ, засевшего в глубине

Карпат, – вовсе не случайно читали лекции по истории Киевской Руси да возили на экскурсии?

Вот таким, совершенно неожиданным, боком поворачивается порой история, а корни недавних вроде бы событий обнаруживаются в глубокой-глубокой древности. Казалось бы, какая связь между дружиной Владимира Мономаха и войсками КГБ? Что общего между современным интермодальным коридором и «путем из варяг в греки»? А вот поди ж ты...

Итак, что же за родня досталась авторским произволом Мишке Лисовину? Во-первых, младшие братья покойного Ярослава Святополчича – князя Изяслав и Брячислав. Об обоих известно очень мало. О Брячиславе только даты рождения и смерти – 1104 год и 1128 год. А об Изяславе и того меньше – только дата смерти – 1127 год.

Остались после Ярослава Святополчича и два сына. Старший – от первой жены – Вячеслав Ярославич упомянут в летописях всего лишь один раз, как владелец города Клецка. Младший – от второго брака – Юрий Ярославич. О нем известно чуть больше, но нет даты рождения и даже существуют некоторые сомнения в его законорожденности. Однако княжил, и прожил до 1167 года.

Вот такова третья по старшинству ветвь рода Рюриковичей – угасающий, потерявший влияние клан. Князя Изяслав и Брячислав Святополчичи еще сохраняют формальное право занять Киевский стол, но реализовать это право у них шансов нет, а их племянники Вячеслав и Юрий этого права уже лишились – их отец умер, на великокняжеском столе так и не посидев.

Четвертой ветвью рода Рюриковичей были Святославичи Черниговские. Ее родоначальник Святослав Ярославич (сын Ярослава Мудрого) оставил потомкам весьма скверное наследство – захватил Киевский Великий стол при живом старшем брате Изяславе. После смерти Святослава Изяслав вернулся в Киев, и княжение Святослава расценивалось современниками как нелегитимное – не дающее его детям права на великокняжеский стол. Сами Святославичи с этим, разумеется, были не согласны, а уж когда Владимир Мономах утвердился в Киеве «не в очередь», так и подавно!

А народец в этой семейке подобрался лихой. Самым знаменитым из братьев Святославичей был князь Олег. На основе его биографии можно было бы написать авантюрный роман. После смерти отца князь Олег, княживший тогда на Волыни, затеял войну с Киевом, пытаясь заполучить себе Чернигов, и отбил-таки для себя стольный град, одержав победу над войском Владимира Мономаха. Однако через два года сам был разбит и бежал в Тмутаракань. Там он был захвачен в плен хазарами и увезен в Константинополь. В плену Олег женился на знатной гречанке, выкупился из плена и вернулся на Русь. Снова в союзе с половцами выбил Владимира Мономаха из Чернигова, но опять не удержался на Черниговском столе. По решению семейного совета Рюриковичей должен был предстать перед княжеским судом в Смоленске, однако на суд не явился, а опять устроил войну, захватил Муром и Рязань. В сражении с ним был разбит и погиб сын Мономаха Изяслав. Потом Олег, вместе с братом Ярославом, захватил Суздаль и Ростов Великий.

И снова, как и в делах полоцких, старший сын Мономаха Мстислав, оказался круче отца – разбил войско Олега и Ярослава, то есть, как принято сейчас выражаться, принудил их к миру. После этого, на княжеском съезде в Любече, князю Олегу отдали Северское княжество (лишь бы как-то успокоился наконец), но таков уж был характер у этого деятеля, что успокоиться он не мог никак – даже всего за несколько месяцев до своей кончины он умудрился устроить свару с Мономахом по поводу места размещения саркофага святых Бориса и Глеба.

В 1125 году Олег Гориславич был уже десять лет как мертв, но он оставил после себя четверых сыновей, характером пошедших в папочку. Однако пока в княжестве Черниговском относительно тихо – на Черниговском столе сидит последний из оставшихся в живых внуков Ярослава Мудрого, тоже именем Ярослав. Ведет себя в отношении Киева послушно, ибо сидит исключительно благоволением Мономаха и сына его Мстислава. Ничего удивительного, при таких-то племянниках! А Киев намеренно поддерживает уже немолодого и не претендующего (хотя и имеющего право) на Великий стол князя Ярослава.

Такой вот спокойный период выдался в жизни княжества Черниговского. Но это не очень надолго!

Сыновья Олега Гориславича – Ольговичи – крови Мономашичам еще попортят!

Пока же на черниговской земле только три владетельных князя: Ярослав Черниговский, Всеволод Муромский и Всеволод Северский. Но слабость князя

Ярослава сказывается и на том, что Черниговское княжество уже начинает расползаться на уделы. Всеволод Северский с братьями только терпят над собой главенство Чернигова (потому что за спиной у того маячит грозный Мстислав Мономашич Киевский), а молодая энергичная Рязань начинает оттеснять от главенства древний Муром. Княжество уже становится не просто Муромским, а Муромо-Рязанским, и недалеко уже то время, когда Рязань станет стольным градом самостоятельного удела.

И, наконец, пятая (только пятая!) по старшинству ветвь – Мономашичи. Они пока еще едины, им еще надо закрепиться, окончательно порушив обычаи лестничного права (и Мономах-то сел в Киеве не по праву, а уж Мстислав Мономашич и подавно!). Под Мономашичами почти вся Русь, лишь в трех, выражаясь современным языком, регионах властвуют князья других ветвей рода Рюриковичей – в княжествах Полоцком, Перемышльском и Черниговском. А под Мономашичами Великое княжество Киевское (Мстислав), княжество Переяславское (Ярополк), княжество Турово-Пинское (Вячеслав), княжество Смоленское (сын Мстислава Изяслав), княжество Суздальское (Юрий, пока ещё не Долгорукий), земли Господина Великого Новгорода (сын Мстислава Всеволод), Волынь (Андрей).

Вот с этой-то, лишь пятой по старшинству, ветвью рода Рюриковичей и будет связана судьба русской монархии до самого последнего из Рюриковичей на троне – сына Ивана Грозного Федора Иоанновича. Все исторические имена, зацепившиеся в нашей, любезный читатель, памяти со школьных времен – Всеволод «Большое гнездо», Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской – все они были потомками Владимира Мономаха!

Что же мы знаем о первом поколении Мономашичей?

Мстислав Владимирович, великий князь Киевский. Историческое прозвище «Мстислав Великий». В 1125 году ему исполнилось 49 лет. Прекрасный политик и полководец, умен, крут, беспощаден.

На великокняжеском столе ему – самое место. Способен руководить державой, гасить внутренние конфликты и противостоять внешней агрессии.

Ярополк Владимирович. 43 года. Лихой рубака, прирожденный воин, но как политик – почти полный ноль. К тому же бездетен, а посему в династическом смысле совершенно бесперспективен. Переяславское княжение как раз для него – оберегать степные рубежи, держать в страхе кочевников, контролировать транзит по Днепру. Однако мечтает о Киевском столе, хотя совершенно для управления державой не годится.

Вячеслав Владимирович Туровский. 42 года. Серая, бесцветная личность, мало на что способен и почти ничего не хочет. Впрочем, как и все братья, хочет посидеть на великом княжении, но ни политическими, ни военными талантами подкрепить это желание не может. Единственная, пожалуй, примечательная черта его биографии – рекордное количество княжеств, которыми он хоть краткий срок, но поуправлял – более полудюжины! Похоже, что не сам перебирался с место на место, а более активные и целеустремленные родственники перемещали его туда, куда им было нужно. Вот и в Турове, скорее всего, посажен для того, чтобы Туровский стол числился за Мономашичами, а на деле Турово-Пинская земля так и осталась в области великого княжения – у Мстислава Владимировича не забалуешься!

Юрий Владимирович Суздальский, впоследствии получит прозвище «Долгорукий». 30 лет. Отчаянный властолюбец, бабник и интриган. Умен, энергичен, небесталанен как военный. В семье не любим, держится несколько особняком от братьев. Да и княжит он на отшибе – в тех местах, которые в те времена назывались Украиной – нынешние Московская, Владимирская и Ярославская области.

Андрей Владимирович Волынский, впоследствии заслужит прозвище «Добрый». 23 года. Молод, смел, прямолинеен. Умеет показать зубы и ляхам, и князьям Перемышльским, да и своевольному волынскому боярству окорот дать.

Ну, и два сына Мстислава, уже имеющие свои княжества – Всеволод Новгородский и Изяслав Смоленский. Всеволоду 30 лет, Изяславу – 28, но какие разные люди, просто не верится, что дети одного отца! Всеволод – прямо-таки «второе издание» дяди, Вячеслава Туровского, – бездарен и бесцветен. Все больше и больше упускает из рук власть в Новгороде Великом, не находя средств противостоять амбициям новгородского боярства – не княжьего боярства, а городского! Совершает одну глупость за другой, настраивая против себя население Новгорода. А бояре потихоньку превращают Всеволода из князя в просто командира наемного войска. В конце концов, доиграется, и его из

Новгорода попрут. И это наследник великого князя! Какое разительное отличие от отца и от младшего брата Изяслава Мстиславича!

Изяслав – блестящий, выражаясь сегодняшними терминами, кризис-менеджер, талантливый военный... Эх, вот бы ему наследовать Мстиславу Великому! Глядишь, и утвердилась бы на русском престоле династия Мономашичей еще в XII веке! А там...

Ну вот, любезный читатель, и окинули мы Киевскую Русь образца 1125 года взглядом с высоты знаний человека XXI столетия. Все? Ах, да! Есть еще два момента, которые необходимо упомянуть.

Во-первых, уже произошла первая существенная территориальная потеря: исчезло княжество Тьмутараканское. То есть сама-то земля с населением никуда, конечно же, не делась, но территория эта уже принадлежит Византийской Империи. Допрыгались князюшки – пока с собственными разборками кувыркались, Империя тут как тут – было княжество, и нет!

А во-вторых, мы чуть не позабыли о еще одной ветви рода Рюриковичей – шестой. Веточка так себе, да и листочек на ней только один, однако помянуть следует. Князь Всеволод (Всеволодко) Городненский. Известно о нем очень мало. Места и даты рождения мы не знаем, считается, что отцом его был Давид Игоревич, изгнанный за злодеяния с Волынского стола и умерший в ссылке, но даже и в этом полной уверенности нет. Известно, что Всеволод был женат на дочери Мономаха Агафье, но даты рождения детей нам неведомы, даже имена дочерей до наших времен не дошли.

Да и самого княжества Городненского в 1125 году официально еще не было, а был город Городно, стоящий на отвоеванных у ятвягов землях. Сам Всеволод считается родоначальником Городненских князей, но после смерти его последнего сына княжество городненское перестало существовать. С этим княжеством все настолько неясно, что даже оспаривается идентичность города Городно с нынешним Гродно[6 - И не надо путать князей Городненских с князьями Городецкими. Городец стоял совсем в другом месте – на Волге – и в двенадцатом веке еще не существовал.]. В общем, все не ясно, а значит, есть простор для авторской фантазии.

Вот такая ситуация. Русью практически безраздельно владеют Мономашичи, представители других ветвей рода Рюриковичей оттеснены на окраины и либо сидят тихо, либо ищут союзников на стороне. И с чего бы, казалось, Руси колотья и дробиться? Вроде бы все наоборот: сложились вполне благоприятные условия для перехода к классическому престолонаследию – от отца к старшему сыну – и формирования уже не великокняжеской, а царской династии. Тем более, что и формальный повод для этого имеется – в свое время патриарх Эфесский помазал Владимира Мономаха на царство, и Византийская империя готова была официально признать его русским царем.

Причин дробления Киевской Руси на уделы специалистами и теми, кто себя таковыми воображает, называется множество. Скорее всего, даже наверняка, процесс дробления определяла не какая-то одна причина, а целый их комплекс. Тем более, что распад длился долго – столетия. Ничего не поделаешь, средневековье жило совершенно иными темпами, нежели те, к которым привыкли наши современники, любезный читатель. Медленно все шло, очень медленно. Следовательно, мы можем говорить даже не о причинах, а об устойчивых тенденциях исторического процесса, а против этого не попрешь, будь ты хоть трижды великий князь или даже полноценный царь.

И все-таки, был ли у Мономашичей шанс сохранить Державу? Ну, интересно же! Особенно тем, кто своими глазами наблюдал распад другой Державы – Советского Союза.

А давайте-ка, любезный читатель, попробуем оценить действия Мономаха и Мономашичей как действия управленцев, то есть попытаемся понять: какие цели они для себя ставили, какие средства использовали и каких результатов достигли?

Перво-наперво, сам Мономах.

Активнейший по тем временам публицист – постоянно обличает и увещевает, призывает к наказанию порока. Общественный деятель – непреходящий участник (а зачастую и инициатор) всех княжеских съездов. В терминах XXI века, несомненно, ПОЛИТИК, причем успешный.

Воюет с переменным успехом (бывает бит, и даже крепко), но конечный результат военного противостояния всегда в пользу Мономаха. СТРАТЕГ!

Киев заполучил себе на волне народного восстания, именно в тот момент, когда «верхи не могли, а низы не хотели». АНАЛИТИК!

Не брезговал подчищать летописи и наводить на Русь степняков... Эх, чего там мелочиться! МАКИАВЕЛЛИ!

Мудро расставил кадры (сыновей) в соответствии с их деловыми качествами. Вояки Ярополк и Андрей берегут рубежи, бездарный и пассивный Вячеслав гарантирует своей никчемностью лояльность турово-пинской земли (не забываем: с ней связаны две ветви интермодального коридора!). Не в меру активный Юрий засажен в глухомань и, при нужде, может ударить в спину черниговцам. Заметим в скобках, что и ударял – оттягал-таки у Чернигова земельку, на которой ныне стоит Москва. Крутой и умный Мстислав (не публицист, правда, а так весь в папу) назначен наследником. Кадры решают все! УПРАВЛЕНЕЦ!

Не упустил возможности заполучить себе царский венец и подняться от высочества (Европа величала герцогом Киевским) до величества. МОНАРХ!

Цель несомненна – самодержавие и основание царской династии. Средства задействованы практически ВСЕ. Результат... увы, он зависел не только от самого Мономаха, а и от его потомков. Но им БЫЛА ДАНА ВОЗМОЖНОСТЬ!

Потомки же...

Вроде бы в своем политическом завещании Мономах и велел сыновьям слушаться старшего брата «отца вместо». Все как будто логично. Но тут же и указал сыновьям сидеть на Киевском Великом столе поочередно! Где логика? Где? Я вас спрашиваю, любезный читатель! И вы, начитавшись, насмотревшись, наслушавшись всего того, что обрушивают на нас самые разные информационные потоки, не можете не задаться вопросом: «А не подчистили ли братики Мономашичи папино завещание?» А что? Вполне в духе времени – и сам Мономах «редакторских трудов» не гнушался! Однако не будем горячиться, любезный читатель!

Это мы с вами, натренированные детективами, способны угледеть в самых обычных событиях коварные многоходовки и сверхзакрученные интриги. Плюс, нам, в отличие от людей XII века, кажется вполне естественным «классическое»

престолонаследие – от отца к старшему сыну. А вот для наших предков ничего естественного и привычного в этом не было. Как тогда осуществлялось престолонаследие в Византии? Да так, что сын почившего императора мог оказаться на троне скорее случайно, чем закономерно! Как тот же процесс шел в Скандинавии, с которой у Руси были теснейшие культурные и экономические связи? Да на основании того же самого лестничного права – от старшего брата к следующему! Да и во многих других местах происходило тоже самое! Современник Мономаха польский король Болеслав Кривоустый также по завещанию разделил Польшу между своими сыновьями.

Так что не ищите, любезный читатель, в действиях Владимира Мономаха логики – нашей, понятной нам логики – у него была своя! Привычная, понятная и ему, и его современникам. «Классическое» в нашем понимании престолонаследие, в XII веке было бы не чем иным, как революцией! Поэтому подделкой надо было бы считать такое завещание, где Мономах НЕ НАПИСАЛ БЫ того, что там написано, а не наоборот.

Вот тут-то и разошлись цели Мстислава и остальных Мономашичей, вот тут-то и прошла первая трещина по фундаменту проекта Владимира Мономаха «Русское царство»!

Цель Мстислава Владимировича – монархия с «классической» системой престолонаследия – от отца к старшему сыну.

Цель его братьев – сесть на Киевский стол в соответствии с лестничной системой.

Была ли у Мстислава возможность достичь этой цели? Что мы знаем о тяжелых думах отца, сознающего полную непригодность старшего сына к продолжению отцовского дела? Понимал ли он, что братья взлелеяли «себя в державности, а не державность в себе»? Мы не знаем, но можем догадываться, потому, что помним (кто лучше, кто хуже) отечественную историю. Помним, что Петр I насмерть запытал своего старшего сына Алексея. Помним, что Павел I не верил старшему сыну Александру, и правильно делал! Помним, что Александр III перед смертью умолял старшего сына Николая отречься от престола, как только достигнет совершеннолетия следующий сын...

Длинная у нашей страны история – больше тысячи лет – и бывало в ней всякое. А еще, нет в науке управления (особенно государственного) понятий «хорошо-плохо», «нравственно-безнравственно», «справедливо-несправедливо» – есть только «целесообразно-нецелесообразно». Было ли для Мстислава Владимировича целесообразным поступить с братьями так, как, возможно (?) поступил, в свое время, Ярослав Мудрый? Нет человека – нет проблемы. И остаться один на один с князьями Полоцкими, Черниговскими, Перемышльскими? «Разобраться» и с ними? А хватило бы сил? А если бы и хватило, то не пугали бы сейчас именем «Мстислава Грозного» так же, как именем Ивана IV?

Устроить резню по всей стране? Посадить на стоящий в кровавой луже престол сына Изяслава? А кто, собственно, сказал, что Мстислав не начал этот процесс? Полоцкое-то княжество он вычистил! Да, не убил полоцких князей, а выслал в Византию. Человеколюбец? Или расчетливый политик?

Что мы знаем о думах Мстислава Владимировича? Во всяком случае, ШАНС БЫЛ!

А вот у братьев Мономашичей шансов сохранить Державу не было! Не было и быть не могло!

Они, под руководством отца, дружными усилиями разрушили прежнюю систему ротации на высшем уровне управления государством. Старую, утратившую актуальность, чреватую перманентными конфликтами, но ЕЩЕ РАБОТАВШУЮ. Они заменили лествичное право правом сильного. Долго такое длиться не может, потому что приводит к войне «всех против всех». Нужен был следующий шаг, он был необходим, ибо старый Закон рухнул, и на его место пришло беззаконие, а дальше – либо новый Закон, либо распад.

Очень любят у нас сейчас цитировать слова «Интернационала»: «...до основанья, а затем...», приписывая эти намерения исключительно коммунистам и как-то забывая или игнорируя тот факт, что человеческая история буквально переполнена примерами применения именно этой технологии. Христианство рушило античный мир именно «до основанья, а затем...», централизация государств уничтожала феодальное самовластье «до основанья, а затем...», испанцы в Южной Америке и англичане в Северной тоже применяли к индейцам принцип «до основанья, а затем...». А Версальский договор по окончании Первой мировой войны? А Бреттон-Вудские соглашения по окончании Второй мировой? Да то же самое – прежнее мироустройство рушилось «до основанья, а затем...»!

С точки зрения управления, ключевое слово здесь вовсе не «до основания»! Ключевое слов «затем»! «Затем» должно, обязано (!) создаваться нечто новое, а к разрушенному «до основания» возвратиться невозможно. Система, пардон, прошла точку бифуркации.

Мономашичи же захотели «вернуть все взад» – опять лествичное право, но только не для всех Рюриковичей, а для избранных – для Мономашичей. А вот фигос под нос, как выражались в неинтеллигентных компаниях во времена детства автора! Рюриковичи уже приняли право сильного, сами же Мономашичи и вынудили их его принять! А теперь: «Ребята, давайте жить дружно»? Э-э, нет! Не выйдет! Другие Рюриковичи тоже не в дровах найдены и «поискать великого княжения» считают себя просто обязанными, если представится возможность. И именно силой – Мономашичи-то Закон сами порушили!

Значит, Киевская Русь была обречена на распад? А что, собственно, вас так удивляет, любезный читатель, разве мы не наблюдали примерно то же самое в конце восьмидесятых годов XX столетия? Некто М. С. Горбачев тоже порушил прежнюю систему, а вот «затем» у него не получилось. Откровенно говоря, даже не очень верится в то, что он сам четко представлял себе, что должно последовать «затем». ГКЧП попытался «вернуть все взад»... Результат нам известен. Нужны еще аналогии? Да, пожалуйста!

Князьи семейства, утратившие надежды заполучить когда-нибудь Великое Киевское княжение, волей-неволей вынуждены были обустроивать и укреплять собственные уделы (отчины), чтобы не лишиться еще и их. И сразу же встал вопрос: «А на кой нам тогда Киев? Своим умом проживем!» И стоило только Киеву дать слабину...

То же самое и в СССР. За жизнь трех поколений при Советской власти бывшие отсталые окраины обрели промышленность, вырастили национальную интеллигенцию, а кое-кто обрел то, чего не имел никогда – собственную письменность и государственность! И что же, оставаться в роли «младшего брата», как в начале века? Стоило только Москве дать слабину...

Да, длинная у нас история, и ничто в ней не внове... хочешь, не хочешь, а вспомнишь Экклезиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, это новое”; но это уже было в веках, прошедших до нас». Жаль Державу, слов нет – жаль до слез, но ведь был же в нашей истории великий писатель Алексей Толстой, и его

роман «Хождение по мукам», и в том романе слова: «Уезд от нас останется, и оттуда пойдет Русская земля!»

А пока... сроку великому князю Киевскому Мстиславу Владимировичу было отпущено всего семь лет. За это время он должен был «решить вопрос» и с братьями, и с другими ветвями Рюриковичей, и с тем, кто из сыновей станет его преемником. Не решил... Не смог или не захотел? Мы не знаем, но «Русское царство» в XII веке не появилось.

Всего этого Михаил Ратников, пребывающий в теле Мишки Лисовина, не знает. Не знает он даже того, что через два года Мономашичи обрушатся всей мощью на Полоцкое княжество и старшая ветвь Рюриковичей лишится полоцкого княжения. Говорила мама: «Учи историю»...

Часть первая. Вернется только половина

Глава 1

Сентябрь 1125 года, берег реки Припять

– Ну-с, мистер Фокс, давненько мы с вами не беседовали, все время кругом чужие глаза и уши, а общение наше, сами понимаете, – дело сугубо интимное. Оба раза, если помните, стоило мне вас кому-то показать, обязательно это скверно оборачивалось. Один раз вы от меня по заливку огребли... ну-ну, а вот обижаться не надо, не надо! Сам виноват, скотина бронзовая! Управлять он мной вздумал! И нечего морду кривить, по заслугам получил!..

М-да... второй раз, конечно, вам сильнее досталось, и тут вашей вины нет... кто ж знал, что герр бургомистр так разгорячится? Хотя в образе Туробоя это для него, пожалуй, нормально. Хорошо хоть на куски не рассек! Я на следующий день чуть ли не целый час на карачках ползал, пока вас в траве отыскал. Столько всего за несколько дней произошло, даже не знаю с чего и начать...

Боярич Михаил сын Фролов по кличке Бешеный Лис, сотник младшей дружины Погорынского войска, задумчиво покрутил в руке бронзовую фигурку лиса, попорченную двумя зарубками: одной – поменьше – на загривке, другой – побольше – на боку возле правой задней ноги. Фигурка изображала вздыбившегося в хищном прыжке лиса. Чеканка была исполнена настолько искусно, что обозначены были даже встопорщенная на загривке шерсть, когти на лапах и клыки в ощеренной пасти. А еще был в этой статуэтке какой-то секрет – в лунном свете либо при искусственном освещении при малейшем изменении положения фигурки тени на морде лиса играли так, что создавалось полное впечатление живой мимики.

– Ну что ж... начну, пожалуй, с радостного известия: ребята с купеческого отделения Академии нашлись. Не то чтобы совсем нашлись, но теперь уже ясно, что с ладьи они сумели убраться живыми и здоровыми... почти все.

Возвращались они из Пинска... Осьма, паскуда Спиридон – чтоб ему на том свете сковородка погорячее досталась, четверо гребцов и пятнадцать отроков. Гм, прямо:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Нет, это я куда-то не туда заехал, извиняйте, мистер Фокс. Возвращались они, значит, из Пинска и повстречали две ладьи с ляхами. Ну, не то, чтобы повстречали, а так – те стояли у берега и не то разгружали что-то, не то грузили... трудились, одним словом. Не понравились они Осьме сразу, и скомандовал он гребцам «навались!», а отрокам «к бою!». Опыт есть опыт, мастерство, как говорится, не пропьешь – увязались за ними ляхи... то есть они-то тогда еще не знали, что это ляхи, но... Не суть! В общем, удалось нашим в устье Горыни завернуть, но там, против течения, ляхи соревнование по гребле выиграли, хоть ребята гребцам и помогали, как могли. Осьма к берегу повернул, но тут так неудачно получилось, что ляхи сразу троих гребцов положили и Осьму в ногу ранили. То ли у ляхов лучники хорошие были, то ли так уж не повезло, но дело совсем кисло обернулось. Правда, и наши, когда ляхи борт к борту свалиться вознамерились, тоже не лопухнулись – так из пятнадцати самострелов в упор врезали, что первая ладья больше никакого участия в событиях не

принимала! Ну, а от второй пришлось на берегу спасаться – она и побольше была, потому и поотстала, и самострелы перестали сюрпризом быть... Одним словом, пришлось линять.

Когда на берег высаживались, их опять стрелами накрыло, только тем и спаслись, что щиты за спину закинута были – почти у каждого по стреле в щите застряло, а у кого так и вовсе по две. Насквозь, правда, пробило только у троих – двое синяками отделались, а третьему и кольчугу с поддоспешником пробило, но рана неглубокая оказалась. Николе с пояса кинжал стрелой сорвало, Петьке как-то так сзади, да через бармицу, щеку почти до самых зубов просекло, еще несколькими кольчуги порвало да поцарапало малость. Хуже всех Осьме пришлось и последнему гребцу. Осьме, пока ребята его в кусты втаскивали, чем-то, похоже, арбалетным болтом, так по шлему врезало, что он обеспамятел, а гребцу стрела в спину вошла и через живот вышла. А паскуда Спиридон на берег с ними не сошел. То есть теперь-то мы знаем, что он при первой же опасности под носовой настил забился, да так там и сидел, пока его ляхи не вытащили, а отроки тогда подумали, что его вместе с гребцами убили.

В общем, попали ребята – двое взрослых: один без сознания, второй с разорванными кишками корчится, у урядника щека располосована, слова толком сказать не может, да и болевой шок. Хорошо хоть ляхи за ними в лес не полезли, видимо, все-таки впечатлил залп из самострелов.

И вот тут-то и показал себя Мефодий! Да, мистер Фокс, недооценил я этого торка, недооценил, каюсь. Все-таки разговоры о благородном происхождении, по нынешним временам, не такая уж и глупость – элита формируется из пассионариев. Казалось бы, степняк, к лесу непривычен, хотя на занятия к Стерву ходил, конечно. Взял инициативу на себя, да так взял, что никто и пикнуть не посмел, хотя как подумаешь...

Первое, с чего начал – добил раненного в живот холопа-гребца. Все понимаю: такое ранение ЗДЕСЬ – медленная и мучительная смерть, тащить его с собой – только усугубить его мучения, но... как-то это все... Представляю себе, каково было пацанам! Стоит этакое чудо над трупом, в руке нож, которым он только что гребца добил, и орет: «Слушай мою команду!» Клин клином вышиб – шок шоком.

В общем, привел ребят в порядок, раненых перевязали, Осьме носилки соорудили, похоронили гребца и двинули пешим порядком через леса наугад, в юго-восточном направлении, в расчете добраться до первого попавшегося

жилья.

Непросто пришлось, ребята-то все городские. Не такие, конечно, как жители мегаполисов, которые лес по телевизору чаще видят, чем там бывают, но все равно, привычки по лесам шастать не имеющие. Да еще и дороги не знают, то в бурелом попадут, то к болоту выйдут. Но Мефодий молодец, носы вешать не позволял, еду луком добывал, порядок поддерживал, за Осьмой присматривал. Осьма, правда, плох был – то пластом без сознания лежал, то в бреду метался; стопа, стрелой пробитая, распухла.

Шли несколько дней, а потом двое ребят потерялись. Чтобы не попадать с носилками во всякие дебри, Мефодий велел по двое вперед уходить и путь разведывать, а остальные по их отметкам шли. Вот так Никола с Феоктистом однажды и шли вдвоем. Выбирали дорогу полегче, ветки заламывали, чтобы остальным путь указать... завечерело, выбрали место для ночевки, дров заготовили, а ребята все не идут. Еще подождали, нет никого! Представляете, мистер Фокс, как пацаны задержались?

Пошли назад по своим же отметкам, опять нет никого! Уже в сумерках наткнулись на медведя, болтами утыканного. Стали разбираться, получилось, что ребята натолкнулись на медведя неожиданно, стрельнули все разом и рванули оттуда, не интересуясь результатом стрельбы. А зря, кстати сказать, не поинтересовались – медведю одним болтом позвоночник перебило, так что он только передними лапами перебирать мог, не догнал бы он ребят, но у страха-то глаза велики! Мальчишки все-таки...

Никола с Феоктистом медведя добила, а поиски отложили до утра – стемнело уже. А ночью дождичек прошел, так что никаких следов они не нашли. Двинули дальше вдвоем, сами того не ожидая, вышли к реке и решили ждать, не проплывет ли кто. С одной стороны, стремно – вдруг ляхи опять попадутся, с другой – больно уж неохота было снова в лес забираться. Повезло – на следующий день увидели целый флот! Две ладьи и пять насадов – это мы были!

Десятник Глеб наших коней и обоз к Корнею увел – на правый берег Случи, а мои «курсанты», лесовики и огневцы, под командой десятника Егора и Семена Дырки, по воде двинули. Плыли, плыли и приплыли – Никола с Феоктистом на берегу глотки дерут да руками машут. Подобрали, накормили, расспросили. Стерв было в одиночку ребят и Осьму искать собрался, но я ему Николу с Феоктистом все же навязал – незачем купчишек с собой в боевой поход тащить.

Предложил еще и Якова в помощники взять, но Стерв отказался, а я не настаивал – кто разведчиками-то командовать будет?

Оставили им один насад, чтобы до Княжьего погоста легче добраться было, небесплатно, конечно – Дырка еще тот жук. Никаких разговоров про то, что насад берем с возвратом, и слушать не захотел, пришлось обещать расплатиться из добычи. Так и то, зараза, мне на слово не поверил, пока десятник Егор не поручился. Ну и родич у Лехи Рябого, туды его в загривок!

Да, разделяю ваше негодование, мистер Фокс, целиком и полностью! Сотнику младшей дружины Погорынского войска – и на слово не верить! Прямо можно подумать, что в XX веке живем, а не в XII, черт побери! Еще и возрастом попрекать взялся! Так хотелось ребятам мигнуть, чтобы уму-разуму поучили... Нельзя, едрит твою, союзник!

И с Мефодием проблема... да еще какая! Взять-то он на себя командование взял, и получилось у него поначалу неплохо, но вот эпизод с медведем и потерей двух отроков... Совершенно непростительно! Ведь не за десяток же километров они убежали! Можно же было просто покричать, ночью Никола с Феоктистом обязательно бы услышали. С утра могли... да не просто могли, а обязаны были пройти по отметкам, которые отроки из передового дозора накануне оставили! Почему ничего из этого не сделано было?

Хреново, прямо скажем, мистер Фокс! Очень хреново. Нарушен один из главных принципов – «Младшая стража своих не бросает!». Да-да, чеканный вы мой, получается, что Мефодий бросил Николу и Феоктиста. А теперь добавьте, что Мефодия и без того, мягко говоря, недолюбливали. И что получается? А то и получается, что вполне возможен бунт против такого командира. Либо его самого зарезать могут, либо ему, чтобы сохранить за собой командование, еще кого-то замочить придется, и первый кандидат на это – мой кузен Петька. Запросто ведь разборки устроить может. Правда, ранен Петька... но не на месте у меня душа, мистер Фокс, ох, не на месте...

М-да! Ну, а потом застукали мы ляхов на переправе добычи через Припять. Это, надо понимать, часть налетчиков решила не увлекаться и уходить с тем, что удалось урвать с ходу. Захватили они маленькую рыбацью весь, всего в четыре дома, мобилизовали рыбацьи челны, задействовали две ладьи, которые у них

были, и принялись переправлять шмотки, людей, скотину и прочее. Под верховых коней и скот даже паром сварганили и буксировали его ладьей.

Когда мы подошли, они уже почти закончили – на этом берегу оставалось человек двадцать ляхов, стадо всякой мелочи, вроде овец и коз, да с десятков пленных, чтобы за скотиной следить. Я с ребятами высадился на берег для удара с тыла, а Егор и Семен Дырка решили изобразить на припятских волнах Трафальгар и Цусиму в одном флаконе.

Я, если помните, мистер Фокс, хотел использовать тактику стрелкового взвода Советской армии, с поправкой на скорострельность самострелов. Ну вот, думаю, здесь и попробуем. Велел ребятам снять доспех, оставив только шлемы, и достать из вещмешков маскировочные плащ-накидки с капюшонами. До полных маскхалатов у нас дело-то так и не дошло, да и плащ-накидки от лорда Корнея прятать пришлось – чем-то ему это все не нравится. Арсений, которого к нам десятник Егор приставил, воспротивился было, но я ему объяснил, что в рукопашный бой нам лезть все равно нельзя, а от стрелы или болта подвижность ребят уберезет лучше, чем кольчуга.

Вроде бы сделали все по уму – выдвинулись к населенному пункту, поставили задачи каждому десятку, по-пластунски и короткими перебежками вышли на рубеж атаки... Нет визуального контакта с противником! Ну что ты будешь делать?

Выслал вперед разведку... ждал-ждал, извелся весь, а потом выходит Яшка на околицу – в полный рост, не скрываясь, да еще и машет, зараза, – быстрее, мол, сюда бегите. Оказалось, в рыбацкой веси и нет никого – все, способные передвигаться, собрались на берегу и, раззявив варежки, пялились на бесплатное кино про то, как Егор и Семен Дырка стяжают славу адмирала Нельсона и Френсиса Дрейка.

Посмотреть было на что! Насады за рыбацкими челнами гоняются, наши две ладьи ляшскую посуду на абордаж берут, а с парома, сломав перила, коровы в воду сигают – топless и позабыв надеть купальные шапочки. Абордаж, правда длился недолго – ляхов на ладьях человек по пять было...

Что, мистер Фокс? Почему коровы были топless? Ну, не знаю. Я подобное зрелище как-то раз еще ТАМ наблюдал, и почему-то пришло в голову, что коровы

именно топлесс, а не ню.

Вот так, а моих полководческих талантов хватило только на то, чтобы не всех ляхов на берегу перебить, а только тех, кто позатрапезнее других выглядел, пяток же прилично одетых и вооруженных получили по ногам и были оставлены для допроса. Тут, правда, ничего особо сложного не было, только отрокам целеуказание правильно дать – не конец двадцатого века, когда знаков различия издали не разглядишь или их вообще нет, из-за чего судить приходится по косвенным признакам. ЗДЕСЬ все напоказ, ошибиться трудно.

Потом решили было на тот берег десантироваться, но и тут обломаться пришлось – ляхи так густо стрелами и прочей метательной гадостью встретили, что мы плюнули и решили не связываться. Семен Дырка, правда, завелся: орал, что на четырех ладьях и четырех насадах мы вдоль берега так разойтись сможем, что ляхи везде не успеют, но Егор его быстро окоротил: ляхи-то конные, а мы пешие, много ли навоюем? Перебьют наши мелкие отряды по очереди. Все равно они никуда не денутся – подойдет воевода Корней, переправимся и догоним. С пленными и скотиной быстро уйти не смогут, да и следы стада не спрячешь.

На том и порешили, а под горячую руку допросили пленных, мягко говоря, с пристрастием. Один, правда, почти сразу помер – болтом ему какой-то крупный сосуд в ногу порвало, трое ничего толком не знали, а вот пятый... Тут-то кое-какие непонятки и разъяснились.

Оказывается, ляхи в наших палестинах не так просто от сырости завелись – их князь Всеволод Городненский не только через свои земли пропустил, но и сопровождал до самой Припяти! Дал тягло и телеги для обоза и вел свою дружину рядом, не то охраняя ляхов, не то присматривая, чтобы те севернее Припяти не хулиганили. Вот и думай! С чего вдруг Всеволод Городненский против Мономашичей пошел – ведь на сестре Мстислава Киевского женат! – пленный нам этого, конечно, объяснить не мог, да мы и не спрашивали...

Ночью послали разведку на тот берег. Я было с ними намылился, но Егор на меня так глянул... только глянул, но и этого хватило. Ушел Яков с четырьмя разведчиками, Арсений (вот уж на все руки мастер) и двое огнецветов за кормщиков на челнах. А я остался ждать да слушать охи и ругань Семена Дырки. Ему во время неудачного десанта прямо по наноснику шлема угадало, скорее всего, керамическим шариком из пращи – что-то более серьезное, скажем,

стрела или арбалетный болт его наверняка убили бы или уложили с серьезным сотрясением мозга. Наносник от удара согнулся, и уже к ночи у Семена нос стал величиной с кулак, а под обоими глазами такие синячищи – прямо «мистер Икс» в маске! И ведь надо же – ни убитых, ни особо сильно раненных не было, а именно «адмиралу Дрейку» так не повезло!

Да, мистер Фокс, скажу я вам: лучше уж самому десять раз в разведку смотаться, чем вот так сидеть и ждать. Но ничего, ребята вернулись целые и невредимые, доложили, что ляхи обоз отправили, а примерно полсотни конных задержались берег стеречь. Оставалось только ждать воеводу Корнея. Лесовики против конных ляхов точно не вояки, мои ребята – туда-сюда, как сложится, а каковы в бою огневцы, неизвестно. Во всяком случае, вряд ли дотягивают до уровня ратнинцев. С таким личным составом форсировать Припять на глазах у противника... Лучше не надо.

А на следующий день случился у меня, мистер Фокс, интересный разговор с десятником Егором. Очень интересный, смею вас заверить, я бы даже сказал, интереснейший!

С утрачка, чтобы время зря не терять, решил я ребят потренировать в высадке с ладьи на берег – десант вроде бы как. «Адмирал Дрейк» мне и инструктора дал – огневского мужика, откликающегося на кличку Колоброд. Ничего так мужик, чувствуется, бывалый, только один недостаток – чувство юмора у него... даже не знаю, с чем и сравнить... с колуном, что ли? Такое же «острое» и «изящное». Объяснял вроде бы толково, а как дело до практики дошло, принялся действия моих ребят комментировать на уровне «Дывысь, Голопупенко, яка чудна хвамилия – Зайцив!». И сам же, зараза, над своими шуточками первый ржет, идиотина косорылая!

Народ собираться на развлекуху начал, я уж решил занятия в другое место перенести, подальше от посторонних глаз – и тут мои опричники показали, что тоже не лыком шиты! Только Колоброд надумал усилить педагогическое воздействие за счет пинков под зад, как на втором пинке и нарвался! Никита, которого он пнуть вознамерился, так незаметно для публики извернулся, что подставил под удар ножны меча, да еще пыром! А Колоброд-то в поршни обут, считай, почти босиком! Ох, как он взвыл да на одной ноге запрыгал!

Ну, я ребятам тут же подыграл – приказал эвакуировать раненого на ладью. Эвакуировали, хе-хе, а во время эвакуации, разумеется, совершенно случайно, уронили в воду. Конечно же кинулись спасать. Глубины-то там было меньше, чем по пояс, но спасали так старательно, что чуть не утопили. Короче, детский утренник первого января: «Эскадрилья конных водолазов под куполом цирка на льду». Чуть бедолага Колоброд смерть лютую не принял. Чей сапог у него на спине отпечаток каблука оставил, так и не выяснили – толкучку-то ребята организовали, как в метро в час пик!

Народ на берегу развлекался на полную катушку – «адмирал Дрейк», кажется, даже про распухший нос позабыл. Ржали так, что ляхам за Припятью слышно было – что уж они там про нас подумали, даже не представляю. Повеселились, одним словом, прямо обидно стало, когда десятник Егор весь этот балаган прекратил.

Отправил он моих ребят сушиться да в порядок себя приводить, а со мной завел разговор о том, что надо бы Погорынскому войску свою ладейную рать иметь, и если взяться обучать ее так, как у меня в Академии отроки учатся, то он бы мог и наставником этого дела побыть. Только вот на Пивени никакой путной науки не получится – неправильно мы место для крепости выбрали – нужна для этого хотя бы такая река, как Случь.

И так, знаете ли, мистер Фокс, он это излагал, что появилась у меня уверенность: давненько Егор это дело обдумывал и только подходящего случая ждал, чтобы идею на благодатную почву посеять. Все предусмотрел: и то, что моя лесопилка доски для судостроения может гнать, и то, что баб-холопок теперь в Ратном много, и, если сейчас льняного и конопляного семени прикупить, а на будущий год поля, которые возле сожженного Куньева городища остались, льном и коноплей засеять, то за зиму те холопки запросто парусины наткать и веревок наплести могут. И Сучка расспросил, умеет ли его артель ладьи строить. Сучок, правда, оказался в судостроении некомпетентен, но Егор, как выяснилось, знает, где можно хорошего мастера нанять.

И тут я возьми да и поинтересуйся: а где это многоуважаемый десятник Егор столь нехарактерные для Ратного навыки умудрился приобрести? А в ответ мне сей достойный муж такой мемуар поведал... верите ли, мистер Фокс, Рафаэль Сабатини отдыхает!

Пиратом он, оказывается, был в молодости! Нет, вы представляете, мистер Фокс, где Ратное и где джентльмены удачи? А? И тем не менее, факт налицо! Три брата, младший Егорка – шестнадцатый год парню шел, повелись на ярмарке, как последние лохи, на приглашение какого-то приказчика попробовать греческого вина. Дегустаторы, туды их, на чужую ладью поперлись, никого не предупредив, соммелье недоделанные! Надрались, конечно, до изумления, а когда проспались, ладья уже черт те где плыла. Братья, конечно, скандалить. Как уж там вышло, Егор не уточнял, но грохнули они кого-то в драке, так что к хозяину ладьи попали уже в упакованном виде. А тот им предьяву выкатил: или суд за убийство, или пять лет у него служить будут. Нет, ну классический же развод, мистер Фокс, вы ж понимаете? Три молодых здоровых парня, военному делу обученные – старший и средний уже новики в ратнинской сотне – и, считай, за бесплатно пять лет на дядю вкалывать будут!

Ну и погуляли они, помахали острым железом! На Висле, на Немане, на Западной Двине, на Нарве, даже на Одере! По всей южной Балтике, считай, прошлись, по островам... Я прямо ушам своим не верил! В конце второго года «службы», правда, нарвались они на каких-то серьезных мужиков, как я понял. Старшего брата убили, хозяина, надо понимать, тоже, потому что, по рассказу Егора, дальше они служили уже вдвоем, не «за так», а за долю в добыче, и в другой команде.

Ну подумайте, мистер Фокс, хозяин-кровосос убит, долгом больше никто не попрекает, отправляйтесь, ребята, домой! Так нет, понравилась им вольная жизнь! Да еще новый хозяин псковичом оказался, а братья, во время зимовки в Пскове, невест себе присмотрели. Какой там дом! Хотя могли, конечно, и другие обстоятельства быть.

А еще года через два пошла «черная полоса» – и с «промыслом» чего-то не заладилось, и второго брата в шторм за борт смыло, а молодую жену Егора во время пожара на торгу толпа чуть насмерть не затоптала. Ну, случается такое в жизни, мистер Фокс, вам ли не знать? Да только полоса полосе рознь, бывает, что и черная полоса на пользу. Так и тут: пошел Егор к попу, а тот, надо полагать, знал, какой такой «торговлей» сей беспутный прихожанин занимается, и провел среди него разъяснительную работу. Типа, переполнил ты, раб божий Егор, чашу терпения Господня, и только по заступничеству Богородицы кара тебя постигла не сразу, а дано тебе два знака – гибель брата и несчастье с женой. Третьего же знака не дожидайся, ибо чревато!

Егор внял. Завязал с преступным промыслом, собрал манатки и рванул в родные пенаты. Родители не знали, радоваться или плакать. Нашелся Егорушка – сам из себя весь богатырь, мошна серебра полна, подарков аж двое саней привез, да еще и красавица жена-псковитянка с полуторагодовой внучкой! Однако пропали-то три сына, а вернулся-то лишь один!

Вот так, мистер Фокс, теперь понятно, почему Егор так лихо плавсредством в бою командовал? Приврал, разумеется, бывший «джентльмен удачи» изрядно, но то, что военно-морской опыт у него имеется, сомнений не вызывает. А также можно догадаться, отчего Егор с лордом Корнеем в контрах. По всему видать, что, вернувшись в Ратное, наш «джентльмен удачи» тут же влип во внутренние разборки, причем на стороне «твердых христиан». А вот что непонятно, так это зачем лорд Корней меня и моих ребят все время с десятком Егора стыкует? Ну, скажем, на переправе мы случайно сошлись, так уж вышло, но в рейд-то по землям Журавля дед меня с Егором вполне преднамеренно отправил! И сейчас тоже. Есть же Алексей, есть Глеб, они наставники в Академии, казалось бы, их к нам в походе приставлять и надо, а лорд Корней приставляет Егора.

Совершенно с вами согласен, мистер Фокс, их сиятельство граф Погорынский ничего просто так не делает. Думаете, лорд Корней собирается обзавестись собственным флотом? Что ж, предположение смелое, но имеет право на существование, особенно если вспомнить, что граф Погорынский имеет обыкновение держать в памяти нестандартные навыки и знания своих подчиненных. Однако не кажется ли вам, бронзовый друг мой, что эта версия как-то... на поверхности, что ли, лежит? Нет ли тут чего посерьезнее? Чего именно? Ну, не знаю, не знаю... однако воспоминаниями о боевой молодости десятника Егора наш разговор тогда не кончился. Даже наоборот: воспоминания были отнюдь не главной частью.

Я-то в безразмерной гордыне своей вообразил, что один-единственный соображаю, какой в Ратном кадровый резерв имеется, и вдруг такой облом! Егор мне так прямо и заявил: то, что ратники своих сыновей в твою Младшую стражу не отдают, для тебя не оправдание! Есть семьи обозников, и есть семьи повзрослевших детей хлопков, которые вольную получили за то, что их ратники обрухали. Оказывается, операция прадеда Агея по повышению рождаемости в Ратном никакого особого успеха не имела!

Нет, детей-то настругали, это дело нехитрое, а вот потом выучить их качественно да снарядить для службы смогли далеко не все «производители». Короче, в строй-то их, когда время пришло, поставили, но вот выжила едва половина: плохо обученные, да с второсортной снарягой... Хорошо еще так, могли бы и все полечь. А потом и у них дети выросли, а кого самого плохо учили, тот и сам... понятно, в общем. То-то лорд Корней на качество обучения молодняка сетовал. Почти все на той проклятой переправе, где Данила облажался, и угробились. Да ладно бы только сами, они же и лучших воинов с собой уволокли, которые молодняк спасать пытались!

Так что, мистер Фокс, привычка холопок юзать никуда не делась, а детей от них к воинскому делу приучать перестали, даже вроде бы как дурным тоном это считаться стало. А когда я у Юльки поинтересовался, она уверенно сказала, что десятка два ребят, духовно и физически здоровых, но которым не светит «призыв», в Ратном насобирать можно прямо сейчас. Правда, возрастной состав в этих двух десятках примерно от 12 до 20 лет. И Илья подтвердил, что некоторым родителям сына в ратники определить было бы в радость. Но Егор этого не знает, он же упертый – традиции превыше всего! По старине, как от пращуров заповедано... тьфу, едрит твою, простите на грубом слове, мистер Фокс. В сотню «второсортных» ребят брать нельзя, а вот в ладейную рать можно попробовать. Вот и все, на что у него гибкости ума хватило. Хотя... если учесть, что природного, во многих поколениях, ратника можно рассматривать, как рыцаря, определенный резон в его позиции есть. Есть, не отнимешь.

Я, бронзовый друг мой, еще до знакомства с вами принял одно принципиальное решение – не переть против исторических процессов, а вписываться в них, ну, может быть, чуть-чуть забегаая вперед. Сейчас ведь по всей Европе десятки, если не сотни тысяч таких же Корнеев династии основывают, а в кильватере у них тянутся свои Лехи Рябые, Игнаты да Егоры. Вот и здесь, на Руси, тоже процесс пошел. От военной демократии, когда князь без совета с дружиной ни одного серьезного решения принять и реализовать не мог, постепенно осуществляется переход к феодализму, проще говоря – единовластию. И происходит это не только при княжеских дворах, но и на более низких уровнях управления – вот хотя бы и у нас в Ратном.

Были у нас десятники, был «совет ветеранов», был сход. И сотнику без учета их мнения никуда! То есть они, конечно, и сейчас есть, однако воеводе погорынскому не указ. Нет, так прямо он их, конечно же, не посылает, но... вы же наблюдали, мистер Фокс, как лорд Корней меня в сотники младшей дружины

произвел и с десятниками Ратнинской сотни уравнивал? И никто не пикнул! Еще недавно такое возможно было? Вот именно, вот именно – в кошмарных снах никто не видел! А теперь? Я же не зря про идущих в кильватере Игнатов и Лук... или Лукей? Как будет множественное число от «Лука»? Неважно! Короля играет свита! Не будь у деда новоиспеченных бояр, которые его, хочешь не хочешь, во всем поддерживать должны, никогда бы он на такое не решился!

Это, так сказать, смена приоритетов в аспекте государственного и муниципального управления. Но и в аспекте идеологическом то же самое происходит! Ратнинскому сотнику на четыре стороны оглядываться приходилось: на Православную церковь, на Перуново братство и на Макошино влияние – всепроникающее, между прочим – женский фактор со счетов не сбросишь, а уж про Нинею-то и вовсе говорить нечего – без нее мира в Погорынье не добьешься. Их сиятельство Корней Агеич разруливал, конечно, эти заморочки просто виртуозно: церковь – инструмент подчинения и управления, на Перуновом капище – друг детства заведующим пристроен, а Настена... ну, не то, чтобы подруга – разница в возрасте все-таки – но «своя баба». С Нинеей же пришлось договариваться, соблюдая прямо-таки дипломатический протокол.

Да, цинизм, я и не спорю... что ты сказал, скотина бронзовая?! Я те сейчас покажу цинизм, светоч нравственности! Общечеловек гребаный, защитник прав сексменьшинств! Нет в управлении понятий «нравственно – безнравственно», «прилично – неприлично», «хорошо – плохо», есть только «целесообразно – нецелесообразно»! И цель не оправдывает средства, а требует задействования всех доступных средств! Спасти же от управленческого беспредела может только идеология, которая одни средства признает приемлемыми, а другие – нет. Понятно? А какая, на хрен, идеология в Ратном, если там сразу три набора нравственных императивов во все дыры пихают? Нет, не два, а именно три! Рассматривать все только через призму борьбы христианства и язычества – непростительное упрощение. Вы только представьте себе, мистер Фокс, что бы сказала Настена в ответ на Аристарховы откровения после визита к Нинее! Даже и представлять себе не хотите? Напрасно, напрасно, я бы послушал – очень занимательно и поучительно получиться могло бы.

И попробуй тут не стань циником, пока между всем этим маневрируешь. Да еще и ваш, мистер Фокс, шеф, вкупе с региональным менеджером в ранге Великой Волхвы. Только Корней все эти сдержки и противовесы и мог разыграть, не хватаясь за оружие, на манер своего папочки Агея.

Вы думаете ТАМ не так? Ошибаетесь! Борьба с коррупцией, борьба с коррупцией... Какая, к черту, борьба, если чиновник не уверен: а не встанет ли все завтра-послезавтра опять с ног на голову? И как тут не попользоваться возможностями и не подготовить себе «запасной аэродром»?

Не думают о будущем только идиоты. Если перспективы понятны, цели четко сформулированы, а ресурсы есть, чиновник горы свернуть способен! А если власть, пусть теоретически, может меняться раз в четыре года, какие к хренам собачьим перспективы? Еще Никита Кукурузник показал, как все можно с ног на голову ставить, а уж про Горби и не говорю.

Вот и у нас в Ратном – поди угадай, кто, когда и за какое место тебя схватит? А христианство перспективы дает! Дает, и не спорьте! «Нет власти еще не от Бога», «Един Бог на небе – един царь на земле», «Помазанник Божий». Источник феодального права!

Знаете, мистер Фокс, что такое «источник права»? Нет? А что вы вообще знаете? Еще и рассуждать берется... Ладно, объясняю для узких специалистов в иной сфере деятельности. Источник права – корень, из которого растет все законодательство – это какой-нибудь неоспоримый авторитет, на который опираются и к которому апеллируют, обосновывая решения, порождающие далеко идущие последствия, а также, в затруднительных случаях, когда готового рецепта нет. Источником права могут быть: обычай, прецедент, закон, религиозная норма. ТАМ, правда, кое-что новенькое изобрели: «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», но ЗДЕСЬ это неактуально совершенно.

Итак, обычай. А обычаи-то разные, несмотря на схожесть. Варяги свои с собой приволокли, туточки тоже всякое разное: перунисты, велесовцы... поближе к степи – воины в почете, подальше – все еще старейшины, в Новгороде торгоши под себя все загибают, да мало ли... А христианство одно! Везде!

Теперь закон. С законодательством у нас, на Руси, проблемно. «Русскую правду» Ярослав Мудрый писал применительно к конкретным обстоятельствам, чтобы защитить служивших ему чужаков от наездов местных ребят. Это когда князь Ярослав еще в Новгороде княжил, приходилось разруливать конфликты новгородцев со шведами, служившими в его дружине. Потому-то в изначальной «Русской правде» все больше про драки, увечья и убийства написано.

Дополнения к «Русской правде» Мономах сделал по горячим следам бунта в Киеве, приведшего его на великокняжеский стол. У него другие заботы были – бунт-то случился из-за беспредела ростовщиков. Точнее говоря, начался из-за ростовщиков, а дальше пошло... «бессмысленный и беспощадный», как говорится. Как следствие, добавления Мономаха, превратившие изначальную «Русскую правду» в «Пространную», касались, главным образом, вопросов кредита, процентных ставок и взаимоотношений заимодавцев и должников.

Чего ж удивляться, что в законодательстве дырка на дырке? И как судить, если случай в «Русской Правде» не описан? А христиане знают! В Писании есть про все! Если не напрямую, то в толковании! Заведи себе хорошо образованного попа, и он тебе под любой случай пример найдет, а следовать примеру библейских и евангельских персонажей христианину не только не зазорно, но и надлежит!

То же самое и с прецедентом. До тебя никто таких вопросов не решал, ты первый, потому и называется «прецедент». Думаете, мистер Фокс, беспрецедентное решение так просто выдумать? Вот именно, непросто. А еще могут спросить: «Как посмел?» или «Ты что, дурак?». А тут железная отмазка: не сам выдумал, а в Писании вычитал! Примеров там множество, и при должной ловкости можно подобрать отрывок под любое удобное тебе решение. В крайнем случае ткнут носом: «Зри не сюда, а сюда!» И все.

Ну и, наконец, религиозная норма. А тут уже и говорить нечего – все сказано выше. Теперь понимаете, чеканный вы мой, какой мощной подпоркой для власти является христианство? Какое множество проблем единым махом снимает? И с легитимностью, и с нормотворчеством, и с унификацией нравственных императивов, детерминирующих поведенческие реакции... Что? Нельзя ли по-русски? Да, извините, увлекся. По-русски это будет так:

Мальчик радостный пошел,

И сказала кроха:

«Буду делать хорошо

И не буду – плохо».

То есть понятия «плохо» и «хорошо» у всех одинаковы, поэтому в сходных обстоятельствах все действуют одинаковым образом, что, согласитесь,

любезнейший мистер Фокс, сильно облегчает работу управленца. Да и сам управленец чувствует себя увереннее, так как его власть освящена силой божественного авторитета.

Вот так-то! Без хорошо проработанной идеологии управление есть не что иное, как крышевание, если не сказать проще – бандитизм. Желаете примеры? Да пожалуйста! Когда приказала долго жить государственная идеология Российской империи – архаично феодальная, да еще и покоренная Петром Великим, ни у кого из политических сил не оказалось хорошо проработанной идеологии. А у большевиков была! Да еще и на научной основе! Они и выиграли. Потом, правда, она закоснела и перестала развиваться, утратив актуальность, но на смену-то не пришло ничего! Осталось голое управление! Вот вам и бандитизм в полный рост: от парада суверенитетов и приватизации «заводов, газет, пароходов», до вытрясания калыма с ларечников. Так и пригрели к миллениуму. Что-то у них там дальше будет?..

Однако, мистер Фокс, вернемся к нашим баранам. Теперь, с высоты приобретенных знаний, оценим действия лорда Корнея. Создал свиту, играющую короля, заявил претензии на феодальное право и (обратите внимание на железную последовательность действий) декларировал намерение стопроцентной христианизации подведомственной территории! Каков дед! Ни бум-бум в теории, но интуиция трехдюймовой бронебойности – управленец от бога!

Ну, а ваш покорный слуга, чеканный вы мой, тоже подсуетился. Паскуда Спиридон, за отсутствием надлежащей статьи в «Русской правде», приговорен на основе религиозной нормы – предателю болтаться на осине. Плюс, сам суд предотвратил расправу по языческим обычаям. И с этой позиции я перед кем угодно ответ держать могу: хочешь, перед епископом Туровским, хочешь, перед князем Вячеславом. Кроме того, заметьте, мистер Фокс, создан прецедент – местное население впервые получило от боярского суда заступничество и справедливость.

М-да, опять отвлеклись. Чуть больше чем через сутки после купания Колоброда прибыл лорд Корней с главными силами и так мне позицию Егора откомментировал, что у меня глаза на лоб полезли: «Кхе! Ты, Михайла, главного не понял! Егорка через тебя в бояре пролезть нацелился! Вот и ладно, пусть у тебя свой боярин образуется, который тебе боярством обязан. Но только ему

крепко постараться придется, ой, как крепко!» Видели бы вы, мистер Фокс, как дед, после этих слов, на мою рожу смотрел! Видать, было на что посмотреть – наверняка дурак дураком сидел.

А ларчик-то просто открывался! Егор с Лехой Рябым с самого детства за первенство боролись, ну, примерно так, как мы с Ерохой. Во всем соперничали! Леха потому и лучником отменным сделался, что Егора на мечях победить никогда не мог. В какой-то момент Егор соперника опередил очень здорово – вернулся из дальних стран возмужавшим опытным воином, богатым да с красавицей женой. Очень быстро вокруг него молодежь гуртоваться стала, и сделался он десятником. Леха, на фоне всего этого, увял.

Кто ж знал, что потом все так обернется? Жена-то у Егора порченной, как здесь говорят, оказалась – несчастье в Пскове даром не прошло. И до сих пор, если вокруг нее хотя бы человек пять-шесть собирается, то она сразу уйти норовит, а если они еще и на повышенных тонах говорить начнут, то и вовсе бегом убегает. А еще она ему только девочек рождает. Нет, ну мы-то с вами, мистер Фокс, знаем, что тут дело не в ней, а в... Как? Вы не знали? Какой пробел в образовании! Впрочем, зачем вам – бронзовому-то?

Короче, обидно Егору. Леха Рябой в бояре залетел, трое сыновей уже, а у самого Егора наследника нет, от десятка рожки да ножки остались, и вообще все плохо. А тут такой шанс! По всему видать, быть Егору погорыньским адмиралом... если не угробится раньше, ну, и командиром морпехов, естественно... или речпехов? Через это и в воеводские бояре проскочить возможность есть. А кадровая база – Академия. Запросто Леху Рябого догнать и перегнать можно... разве что с сыновьями проблему не решить. Ну, да у него племянников набралось аж шестеро, и трое уже по возрасту в Младшую стражу годятся, быть им первыми «морпеховскими» офицерами Погорынья, чует мое сердце!

Впрочем, все эти умные соображения появились уже потом, а сначала меня Дмитрий в такой депресняк вогнал, что хоть на луну вой – на правом берегу Случи мы разом целый десяток Младшей дружины потеряли! Прищучил лорд Корней отряд ляхов, в котором оказалось довольно много бойцов в хороших бронях да на справных конях. И вот эти-то бойцы, поняв, что дело пахнет керосином, бросили добычу и остальных своих подельников да рванули на прорыв! И надо ж такому случиться, что поперли они прямо на тот самый десяток пацанов, в который я после бойни у Ратного назначил урядником Власия!

Блин, сколько учили их от удара конницы уворачиваться, сколько объясняли, что в прямую схватку со взрослыми бойцами лезть нельзя!.. И говорил же мне Дмитрий, что Власий неловок! Нет, соблазнился на то, что в парне способности организатора проявляются... вот и результат – из десяти мальчишек только двое выжили, да и те тяжелораненые! И сам Власий... Царствие ему Небесное...

На Роську так и вовсе смотреть страшно – похоже, пару последних ночей он и вовсе не спал, десяток Власия ведь ему подчинен был. Но характер у парня все же железный, вывод из произошедшего он сделал весьма радикальный – учить ребят надо жестко и не жалеть, потому что жалость наставника потом, в бою, кровью обернется! Вот тебе и «святоша»! Впрочем, своему «религиозному экстремизму» он тоже должное отдал – объяснил остальным курсантам, что именно этот десяток к обучению грамоте и Закону Божьему с небрежением относился, за что кара их и постигла! Причем в таких выражениях объяснял, что даже взрослых ратников пробрало, да еще и пообещал, что того, от кого еще хоть раз услышит, будто воину грамота без надобности, своими руками прикончит и греха на душу взять не побоится. И вы знаете, мистер Фокс, поверили ему! Очень убедительно, по словам Дмитрия, мой крестник высказался, очень убедительно...

Впрочем, могло все еще хуже обернуться – не десяток отроков мы могли потерять, а гораздо больше. Не знаю: то ли я что-то с тезисом «Младшая стража за своих никому не прощает» перемудрил, то ли ребята, по-настоящему еще не битые, слишком много о себе воображать стали, то ли просто юношеская горячность... Короче, как только стало ясно, что всех, не сумевших слинять, уже задавили, ребята в погоню за прорвавшимися намылились. Без приказа! Самовольно! Видимо, сообразили, что они легче взрослых ратников и кони под ними меньше устают, плюс еще и заводные кони есть. Представляете, мистер Фокс, что было бы, если б они ляхов и впрямь нагнали? Стрельнули бы по разу, причем наверняка не меньше половины промахнулись бы – на скаку-то! А потом что? Спешиваться и заряжать? Так бы им и дали это сделать! В рукопашную лезть? Все бы там и легли... или большинство. Убегать? Ну, разве что, да только вряд ли получилось бы.

Слава богу, Алексей сообразил, зачем они к заводным коням сунулись, да остановить сумел. Так они еще и хай подняли, мол за своих отомстить им не дают! Но тут уж лорд Корней вмешался – шепнул что-то ратникам, и как начали отроки от молодецких затрещин из седел вылетать! Кто-то, между прочим, и по паре затрещин огреб, если от первой на землю не слетел – показали пацанам,

чего они, по сравнению со взрослыми воинами, стоят. А потом еще и гоняли моих чудо-богатырей древками копий по кругу, пока с тех семь потов не сошло. Сами понимаете: отношение взрослых ратнинцев к Младшей страже, мягко говоря, неласковое, а тут такой случай... и душу отвели, и высказали, что хотелось. Ну, и педагогика, конечно, в ЗДЕШНЕМ понимании.

А потом лорд Корней для поручиков и урядников обряд «удара милосердия» провел. Живых ребята кололи копьями или уже мертвых, бог весть, но слабину никто из них не дал – настроение подходящим было.

Вот такие дела, мистер Фокс. Правобережье Случи воевода погорынский от ляхов очистил, да по ходу дела войско себе собрал – иному удельному князю не зазорно было бы, по крайней мере по численности – около четырех сотен! А по качеству... сборная солянка, конечно: ратнинцы, моя неполная сотня, погостные ратники, огневцы, лесовики. Это уже было, а потом еще кое-кто прибавился. Двое бояр со своими дружинами. Одного из них дед выручил – снял ляшскую осаду с его усадьбы, а второй... и не боярин еще – пацан лет шестнадцати, но дядькой при нем опытный воин. Вдова дедова знакомца – мать этого парня – попросила взять сына да воинской науке поучить.

Еще сотня с лишним «охочих людей» из Давид-городка и окрестностей... Тут, правда, проблема поначалу образовалась. Ляхи-то Давид-городок на щит взять попытались, ну и получилось у них... почти. Посад пограбили и сожгли, а детинец... да какой там детинец, так – острог на возвышенном месте – взять не вышло. Да оно и понятно – не головы класть пришли, а пограбить. Короче, сунулись разок, получили отлуп, да и пошли окрестности шерстить, с укрепленным местом не связываясь. Только, вот беда, посадник давид-городский при этом погиб, а достаточно авторитетного человека, чтобы всех, способных воевать, под свою руку подобрать смог, не нашлось.

Короче, есть сотня воинов, а единого командования нет. Особенно один там вредный оказался – все пытался доказать, что он, по каким-то там причинам, второй человек после покойного посадника, да только даже и сами давид-городцы с этим не согласны были, а уж наши-то... В общем, довыживался этот тип – Алексей решил проблему быстро и радикально – просто вызвал его на поединок и тупо грохнул, снеся ему голову с плеч на втором выпад! Народ от такой разъяснительной работы охренел по полной программе, а дед тут же назначил Алексея командиром «охочих людей», начисто проигнорировав

наличие у них еще одного мелкого боярчика и каких-то предводителей мелких групп. Но они, надо сказать, и не выступали особенно: Алексей на них только покосился да ус подкрутил, и никаких дискуссий!

Еще нескольким крикунам ратнинцы по-простецки морды начистили да выгнали к чертовой матери, остальные после этого с назначением Алексея смирились. Оно и понятно: Корней показал себя воеводой удачливым, значит, есть вполне оправданная надежда на добычу, а Алексей сумел внушить к себе уважение с первой же встречи. «Охочие люди» не за славой в поход идут, а за добычей... ну, кто-то и за мезтью. В любом случае, крутой мужик во главе отряда – лишняя гарантия успеха, а крутизну Алексей показать сумел весьма наглядно.

Дальше опять двинулись порознь – моя сотня, огневцы и лесовики составили ладейную рать, ну а лорд Корней во главе всех остальных начал переправляться на левый берег Припяти – ляхов догонять. Возглавил ладейную рать десятник Егор, а Семен Дырка, хоть и недоволен был, смолчал – Леха Рябой ему породственному разъяснил, что к чему. Вот так, мистер Фокс, я и заделался командиром роты «морпехов» или «речпехов», если угодно.

На второй день плавания Егору опять свои флотоводческие таланты показывать пришлось. Встретился нам целый караван из пяти ладей, нагруженных, что называется, под завязку. Война есть война – заорали, чтобы остановились для проверки, а в ответ – стрелы. Ну, мои ребята сгоряча переднюю ладью и утопили – как дали из самострелов, так у тех несколько весел с левого борта сразу и провисли. Остальные весла за них цепляться стали, а кормщик вовремя команду не отдал и гребцы правого борта в один гребок ладью бортом к течению и развернули. Ну а дальше, похоже, сработал эффект сложения многих мелких причин, каждая из которых к катастрофе привести не может, а в сумме...

Надо понимать, ладьи грузили в спешке и груз не закрепили (оно и понятно – не в море же выходить собирались), да для увеличения грузоподъемности выкинули балласт (дурь, конечно, но случается, особенно если начальство на глотку берет и никаких возражений слушать не желает). Плюс, что-то там с течением не то было – то ли отбойная струя, то ли еще завихрение какое... Короче, накренилась ладья, сильно накренилась, и началось...

Груз сместился на правый борт, придавливая гребцов, убитые и живые латники туда же посыпались, вместе с грузом. Кое-кто в воду слетел и, конечно же, за борт цепляться начал (в доспехе-то не поплаваешь). Черпанула ладья бортом, и поминай, как звали. Кто б сказал, не поверил бы – залпом из трех десятков арбалетов ладью утопить! Хотя, мистер Фокс, при дурном командовании да незакрепленном грузе и не такие корыта тонули, что в двенадцатом веке, что в двадцатом.

План у каравана, надо полагать был простой: по течению да поднавалившись на веслах, быстренько разойтись с нами на встречных курсах под прикрытием лучников, а потом уходить, отстреливаясь. Не вышло. Как передняя ладья на борт легла, остальным пришлось скорость снижать да в стороны сворачивать. Ход потеряли, строй рассыпался, тут мы им и устроили «танцы под радиолу».

Одна ладья все-таки проскочить сумела, за ней насады Семена Дырки погнались, а остальные три мы одним и тем же маневром взяли – мои ребята с одного борта их болтами засыпали, а Егор с лесовиками с другого борта на абордаж шел. Впрочем, там и абордажить особо нечего – охрана вся на первой ладье была, а на остальных, кроме гребцов, только по десятку воинов было, да и те раненые. Последняя ладья так и вовсе без боя сдалась – после первого же залпа из самострелов лапки подняли.

Досмотрели груз, допросили пленных. Оказывается, полоцкое войско Пинск взять не смогло, и по приказу князя Давида Полоцкого на захваченных у пинских причалов ладьях начали вывозить раненых и добычу. А добычи много – купеческие склады за городскими стенами стоят, у речного порта, торговый сезон в самом разгаре, началась торговля хлебом нового урожая. Хлеб, как водится, со всей округи свозят для продажи в ближайшие города, а здесь уже купцы приготовили товар, который крестьянам нужен в обмен на хлеб. И от товара того склады как раз и ломаются.

Увезти все это на обозных телегах полочанам просто нереально, потому-то и вывозят водным путем. Так и захваченный нами караван должен был идти по Припяти, потом по Случи северной до Слуцка, который, по словам пленных, уже взяли на щит полоцкие князья Святослав Витебский и Рогволд Друцкий. Ну а потом – переволоками в Березину и дальше в полоцкие земли.

И тут, мистер Фокс, впервые в нашем сборном войске начал намечаться конфликт. Пристали мы к берегу, чтобы разобраться с трофеями да

переночевать. Пока пленных допросили, пока то да се, уже вечереть начало, и тут подходит ко мне Роська и докладывает, что Семен Дырка воду мутит. Надо, мол, не переться неизвестно куда, а засесть где-нибудь здесь и перехватывать все ладьи, которые будут спускаться по Припяти от Пинска, а чтобы время зря не терять, понырять за товаром, затонувшим вместе с ладьей, да за доспехом утонувших воинов, благо глубина в этом месте небольшая. Потом Дмитрий с тем же самым подошел, мол, надо что-то делать, потому что приказ воеводы совсем другой был!

Ну, понятно, что Дырку «жаба душит» – у нас уже семь ладей в трофеях, а у него только одна – но приказ-то воеводы Корнея идти к Пинску действительно никто не отменял. Хотел я было скандал устроить, а потом задумался. Приказ этот только для меня и Егора непререкаем, а Треска и Семен Дырка у нас вроде бы как вольноопределяющиеся. Да и приказ сам по себе не догма, поскольку сопровождается дополнением «действовать по обстановке». А, кроме того, если не соглашаться с «гениальным» планом «адмирала Дрейка», то ведь надо что-то свое предложить. А что? Просто дожидаться в условленном месте прихода лорда Корнея? Но у нас же собственная сила имеется, и если ее с умом применить... легко сказать, «с умом», а где этого ума взять-то? Попробовать что-то на воде сообразить? Выйти на берег и попартизанить?

Ну-ну, поухмыляйся скотина бронзовая, поухмыляйся... чтоб тебя... в переплавку пустили! Сам знаю, что сотник! А вот что делать – не знаю! С десятником Егором, конечно, можно посоветоваться, но как-то это... не вдохновляет. Единственное, что в голову приходит – попробовать угнать у полочан коней, почему-то, в читанных ТАМ книгах это чуть ли не дежурный пункт. У Якова, кстати, волчья шерсть есть свежая, и выть он умеет – от живого волка не отличишь. Если ночью подобраться к табуну с наветренной стороны, да пугнуть коней, да завернуть их в нужную сторону, а с утра сесть на следах в засаду да долбануть тех, кто в погоню пойдет, из наших самострелов да из луков лесовиков...

Но как-то это все... по-киношному, что ли: герои пионеры-партизаны взрывают немецкий штаб и выкрадывают генерала прямо из сортира – неужто полочане такие идиоты и коней своих убересть не способны? Нарвемся, едрена-матрена, так, что все хором на луну заводем... Но, даже если все и получится, это все равно разовое мероприятие и к тому же какое-то само собой разумеющееся, а мне понимание общей ситуации нужно, чтобы смысл и последствия своих действий представлять. Стратегия...

Именно, что стратегия! Я ведь с чего начинал ЗДЕСЬ? Сформулировал цель – создать благоприятные стартовые условия для достижения боярского достоинства. Для ее достижения первоначально решал три задачи: собственное физическое развитие, формирование команды единомышленников и повышение социального статуса семьи. Все задачи решены, промежуточная цель достигнута. Я – сотник младшей дружины Погорынского войска, боярич, хозяин строящегося городка. Семья – самый крутой и влиятельный род не только в Ратном, но и в Погорынье, у деда совершенно реальные шансы для достижения местного аналога статуса графа.

Короче говоря, управленческая классика – структура есть, кадрами она наполнена, ресурсов полно, перспективы радужные, планы... а вот с планами как раз и затык. Для дальнейшего упрочения своего положения надо «окучивать» сразу два направления: внутреннее – окончательно нагибать под себя Погорынье, и внешнее – каким-то образом встраиваться в исторические процессы, идущие на Руси.

С внутренним направлением все более-менее ясно. Две задачи: окончательное решение «проблемы Журавля» и создание системы управления Погорыньем в целом. С Журавлем время терпит – лорд Корней перед походом пообщался с Великой Волхвой Градиславой Всеславной и получил заверения, что Журавль из отлучки еще не вернулся. Судя по тому беспределу, что сейчас творится на Припяти, вернется он не скоро – ни по воде, ни по берегам свободного хода сейчас никому нет. Выгоднее где-то переждать, чем рисковать влипнуть в разборки между Полоцком и Туровом. Так что наезда Журавля на Ратное, пока мы в походе, можно, пожалуй, не опасаться.

С системой управления Погорыньем тоже не горит, и имеются некоторые соображения. Не зря мы честного мужа Треску с собой таскаем: к моему проекту превращения старейшин дреговических родов в воеводских бояр лорд Корней отнесся вполне благосклонно. Получится с Треской – дальше легче пойдет. Во всяком случае, пригласить дреговичей к участию в решении «проблемы Журавля» – идея плодотворная.

А вот с внешним направлением все сложнее и опаснее. Матушка правильно сказала: «Возле князей – возле смерти». Наступает период лихих княжеских междоусобиц, и промахнуться в этих делах – не сносить головы. Но и отсидеться в сторонке не получится, поскольку Погорынье нашими стараниями, мистер

Фокс, начинает превращаться в заметную силу, которую одни попытаются использовать в своих целях, а другие – уничтожить.

Вот тут и думай! Классический случай необходимости принятия решения в условиях дефицита информации. Например, сколько еще проживет Мстислав Киевский, мне неизвестно. Кто придет ему на смену – кто-то из Мономашичей или князь из другой ветви Рюриковичей – тоже не знаю. Про Вячеслава Туровского я и вовсе узнал только ЗДЕСЬ, так же как и про нашего родича Вячеслава Клецкого. Попробуй тут просчитай, на кого ставку делать, чтобы не проиграть?

А соображать что-то надо – мы выходим, что называется, на новый уровень – из пределов Погорынья на простор Туровского княжества. Можно, конечно, поступить радикально – выбрать кого-то из князей и начать помогать ему изо всех сил, наплевав на то, что там было в реальной истории, но риск... Выше всяких разумных пределов. К тому же дед шифруется, зараза – так и не обозначил мне, кого он выбирает в качестве патрона – Вячеслава Туровского или Вячеслава Клецкого. Первый – сюзерен и член мощного клана Мономашичей, второй родич, но принадлежит к угасающей ветви Рюриковичей, хотя его дядья – Изяслав и Брячислав Святополчичи – одни из немногих Рюриковичей, которые еще сохраняют формальное право на великое киевское княжение. Так кого же выбрать – Мономашичей или Святополчичей? Не знаю! Что будет с полоцкой ветвью Рюриковичей? Не знаю! Не знаю даже того, что будет в Турове через несколько лет! А события втягивают меня в разборки между различными группировками Рюриковичей помимо моей воли!

Ох, и не люблю я, мистер Фокс, когда события тащат меня куда-то, а сам я не только не могу в сторону дернуться, но даже и не знаю, в какую именно сторону! Есть у меня на этот случай красочное сравнение – лодочка, которую несет течение подземной реки! Кругом темно, что впереди и по сторонам – не видно, а впереди уже слышен шум падающей воды. Что там? Просто порог или водопад?

Вот-вот, мистер Фокс, совершенно с вами согласен – как только наш отряд войдет в соприкосновение с полоцким войском, тут-то эта моя воображаемая лодочка в буруны подземного течения и попадет, и назад не повернешь! Волей-неволей призадуматься: а не стоит ли последовать совету Семена Дырки? Но приказ-то лорда Корнея никто не отменял!

Есть, правда, бронзовый вы мой, одно армейское правило, которое, как говорят, выручало очень и очень многих: «Если не знаешь, как поступить – поступай по Уставу». В соответствии с этим правилом, надо исполнять приказ лорда Корнея, а хитромудрые предложения «адмирала Дрейка» пускать побоку. Вот я и думаю: если из-за дефицита информации я ничего в стратегическом плане придумать пока не могу, то надо максимально добротнo действовать в плане тактическом, а эксперт в этих вопросах у меня имеется только один – десятник Егор. С учетом выяснившихся особенностей его биографии, которые весьма значительно расширили его кругозор, есть надежда, что совет он может дать весьма дельный.

В общем, мистер Фокс, решил я свой Совет созвать. Во-первых, когда другим что-то объясняешь, то и самому понятнее становится, во-вторых, ребята мои тоже не идиоты – могут что-то путное предложить, в-третьих, на Совет и Егора позвать не запахло – это совсем не то, что я сам к нему пойду: «Дядька Егор, ничего путного измыслить не могу, помоги!»

Вот, сижу, жду, когда ребята поужинают, да с вами, чеканный мой, беседую... ага, идут уже! Марш в подсумок!

Глава 2

Сентябрь 1125 года, берег реки Припять

Мишка рисовал угольком на куске парусины политическую карту Киевской Руси, а сам искоса поглядывал на рассаживающихся у костра отроков. Вот так же собирались они вокруг костра после того, как дед разжаловал Мишку из старшин Младшей стражи в походе за болото. Но какое разительное отличие! Там были обиженные, растерянные, рефлексирующие мальчишки, а здесь и сейчас... Мишке невольно вспомнилось, как еще ТАМ он каждый раз отмечал перемены, происходившие с сыном за время летних каникул, проведенных им в пионерском лагере или в деревне у деда.

Эти ребята – его близники и соратники – ставшие родными не меньше, чем оставшийся ТАМ уже взрослый сын, тоже переменялись за прошедшее лето. Да и лето было совсем не простым – своя и чужая кровь, смерть, учеба под руководством наставников (очень и очень непростых мужиков), ответственность не только за себя, но и за подчиненных отроков... как много всего спрессовалось в эти три с небольшим месяца!

Нет, эти, сегодняшние, уже не предложат сбежать из Погорынья и стать пиратами – даже и сами не заметили, как кончилось детство, хотя у половины из них детства, в сущности, и не было. И тема обсуждения – «Как разумно применить имеющуюся у них силу да убить побольше народу» – не вызовет у них ни удивления, ни протеста. И если так сложится, что придется обернуть оружие против недавних союзников – огневцев Семена Дырки или лесовиков Трески, колебаться не станут, а просто вспомнят, как подавляли бунт в Ратном и убивали мужей из ратнинской сотни. Понадобится идти в бой – вспомнят, как брали острог на Кипени и Отишии, как защищали Ратное от ляхов. Случится колебание или неповиновение среди отроков – вспомнят повешенного Плоста и расстрелянных Германа и Филимона. Возникнет нужда спросить совета – все они господа советники Академии Архангела Михаила. Ну, а уж спину прикрыть – каждому довериться можно, не подведут и себя для того не пожалеют!

И ведь дети же еще, совсем мальчишки – большинству и пятнадцати еще нет! Как легко рассуждалось когда-то: меньше живут, быстрее взрослеют! А чего стоит им это быстрое взросление? Через что приходится пройти при этом, какую цену заплатить? Роська, Демьян, Кузьма, Дмитрий, Артемий, Матвей...

«Да, сэр Майкл, не сочтите за прикол, но иначе, как многодетным папашей вас теперь не назовешь. Хоть и не зачали вы их, но сказать, что не вы их породили, пожалуй, нельзя, и отцовские чувства ваши в отношении этих мальчишек вполне естественны, вполне, сэр, вполне... Хороших ребят, по чести сказать, вырастили, поводов стыдиться нет, хотя забот и хлопот, конечно... А сколько их еще впереди! Года через два женить их пора придет, потом дети пойдут... тоже, между прочим, как к внукам относиться станете! Станете-станете, не сомневайтесь!

Большой род получится, сильный и влиятельный. Клан! То, к чему вы, собственно, и стремитесь. Только, ради всего святого, поберегите вы их, не угробьте ненароком. Какие бы планы и амбиции вами не руководили, не стоят

они крови этих мальчишек. Случись что с кем-нибудь из них, ведь не простите же себе! Вот они – сидят все рядом с вами у костерка, попробуйте представить себе, что кого-то, хоть одного, вдруг не станет! Невозможно, нестерпимо, страшно! Тем самым большим страхом, от которого жить не хочется! А ведь собираетесь их против реального войска, против всамделишных, а не киношных или компьютерных воинов вести! Может быть, не так уж и не прав «адмирал Дрейк»? Ну, зачем голову под топор подставлять? Ради чего?

Подумайте еще разок! Вы же толком и не представляете себе, что в нынешних обстоятельствах надо предпринять, но и это ведь не самое страшное. Страшно то, что на любое ваше действие, которого вы еще не придумали, у противника, почти наверняка, надеется готовый рецепт эффективного противодействия! Там же руководят опытные профессионалы, с детства приученные к военному делу. И командовать они умеют не десятками воинов, как лорд Корней, а сотнями и тысячами. Полковники и генералы, выражаясь в принятых ТАМ терминах, а вы, в лучшем случае, сержант, да и то...

Ну подумайте, сэр, а применимо ли в военном деле управленческое правило «лучше ошибочное действие, чем бездействие»? За ошибку-то придется кровью и жизнями рассчитываться, а представится ли потом возможность скорректировать ошибочное управленческое воздействие?»

Мишка еще раз обвел взглядом ребят – Роська, Демьян, Кузьма, Дмитрий, Артемий, Матвей...

Роська, он же поручик Василий... Заметил, что его крестный не ужинал, притащил краюху хлеба, шмат сала и сейчас нарезал сало ломтями, сооружая бутерброд, хотя слова такого никогда и не слышал. Самый преданный из ближников. Нет, и остальные преданы тоже – любому можно без сомнений спину доверить, но Роська еще и заботлив.

Что-то в крестнике, пока ходил он по правому берегу Случи во главе трех десятков отроков да под командой воеводы Корнея, изменилось. Впрочем, и не могло не измениться – потерять в бою сразу треть своих подчиненных единым махом... но ведь не сломался, не заистерил. Какое-то в нем ожесточение, что ли, появилось. Корней сказал, что Роська и бровью не повел во время прохождения обряда «удара милосердия». А ведь не мог не понимать, что обряд из языческих

обычаев пришел. Вот тебе и святоша.

Все то время, что прошло с момента прибытия в рыбацью весь отряда воеводы Корнея, Мишка присматривался к крестнику и понял наконец, что цепляет его в выражении Роськиного лица. Вспомнилось, как подходил он в узком переулке к раненому татю, покачивая кистенем в правой руке... Тогда, в Турове, это выражение у него на лице лишь мелькнуло, а сейчас стало почти постоянным. Похоже, поручик Василий перешел на новый уровень своего развития – там, где раньше, в полном соответствии с требованиями христианского милосердия, он был склонен к увещаниям, теперь, не смущаясь, готов применить силу. Слышал Мишка, как отдает он распоряжения оставшимся у него двум десяткам... изменился Роська, ни малейших сомнений, изменился всего за несколько дней.

«Принуждение во благо». Предвидеть, что подросток, столь безоглядно принявший православие, станет приверженцем этого принципа, было не трудно – юношеский максимализм в сочетании с религиозной восторженностью ничего иного породить и не мог. В общем, за крестником нужен был глаз да глаз – запросто дров наломать может.

К противоположному полу, как стало в последнее время заметно, Роська не то чтобы равнодушен (странно было бы в этом возрасте), но как-то неоднозначен. И дело не в том, что явной избранницы у него нет, а в том, что слишком уж он буквально воспринимает христианский тезис о «сосуде греха». Мишка прекрасно понимал, что, проведя несколько лет в составе экипажа ладьи кормчего Ходока, побывав во множестве городов, Роська начинал знакомство с любым населенным пунктом с причалов речных портов и ближайших к ним «развлекательных заведений», которые являлись «охотничьими угожьями» дам вполне определенной профессии, поэтому насмотрелся и наслушался, мягко говоря, всякого. Так что вышеозначенный тезис, что называется, упал на подготовленную почву.

Однако Мишкину мать – боярыню Анну Павловну – Роська буквально боготворил, а к сестрам Аньке-младшей и Машке относился с подчеркнутым и неподдельным почтением. Остальные же девицы... создавалось такое впечатление, что Роська так и вглядывается в каждую из них, выискивая взглядом некую «печать дьявола»... и, не обнаружив таковой, впадает в недоумение. По поводу «блуда» Сучка и тетки Алены, мастера Нила и поварихи Плавы и прочих романтических приключений населения Михайлова городка Роська совершенно искренне

возмущался, даже что-то там такое высказывал Мишке, но включить в категорию блудниц боярыню Анну Павловну, почти открыто состоявшую в греховной связи со старшим наставником Алексеем, он был категорически неспособен, и это обстоятельство начисто ломало ему всю «генеральную линию». Короче, маялся парень, и маяться ему, как сильно подозревал Мишка, предстояло всю оставшуюся жизнь, поскольку он, как и всякий идеалист, постоянно пытался впихнуть реальную жизнь в жесткие рамки идеологических догм.

Раньше у Мишки были планы вырастить из крестника ректора Академии Архангела Михаила, больно уж хорошо у него получалось воспитывать отроков – его десяток постоянно был лучшим практически по всем показателям – и набожность Роськи в этом смысле была только плюсом, но вот теперь, с появлением проекта создания ладейной рати... Егор может мечтать о чем угодно и планировать, что заблагорассудится, но адмиральский кортик в Мишкином воображении размещался именно на Роськином бедре, а не на чьем-либо другом.

Дмитрий... старшина Младшей стражи, первый зам Мишки по военным делам. Теперь – первый зам сотника младшей дружины Погорынского войска. Командовал половиной Младшей дружины на правом берегу Случи и, по всему получалось, что вполне созрел до звания полусотника. Хотя звание старшины Младшей стражи (ведь будут же еще новые наборы молодежи), пожалуй, получается и повыше, чем просто полусотник. Дмитрий, было заметно, тоже переживал по поводу гибели целого десятка и, как ни странно, изменился примерно в том же ключе, что и Роська. Собрал после того боя всех урядников и сообщил, что если бы урядник Власий не погиб, он его собственной рукой порешил бы. И остальным пообещал то же самое – если кто-то своих подчиненных так же под убой подставит. Пусть лучше сам зарежется или бежит на все четыре стороны – пощады ему не будет! Мишке же доложил так: вины поручика Василя в гибели отроков нет – команду отдал вовремя и правильную, а вот урядник Власий замешкался. Ни словом не напомнил Мишке о том, что предупреждал его о непригодности Власия для командования десятком, но по глазам было видно – помнит тот разговор и виновником случившейся беды считает, в том числе, и Мишку.

Как совершенно случайно выяснилось, Дмитрий запал на Аньку-младшую точно так же, как и несчастный Никола, но виду не показывал, а когда Мишка устроил Николе по этому поводу выволочку, выводы сделал, как воистину прирожденный

военный – нельзя, так нельзя. Контакты с Анькой свел к минимуму и был при этом подчеркнута вежлив и официален, чем приводил Мишкину старшую сестру буквально в бешенство. Кажется – и это тоже свидетельствовало о наличии в его натуре «военной косточки» – Дмитрий, было заметно, даже испытал облегчение от того, что все между ним и Анькой стало ясно и понятно. Во всяком случае, перестал стесняться своего жуткого шрама, наискось проходившего через весь лоб, и стал более легок в общении с девицами.

Правда, несмотря на всю рассудительность и дисциплинированность Дмитрия, юношеская горячность в нем тоже играет – он и не подумал останавливать отроков, вознамерившихся идти в погоню за прорвавшимися ляхами, только приказал заводных коней взять. Впрочем, именно задержка с заводными конями и позволила Алексею тормознуть это авантюрное предприятие в самом начале.

Сейчас Дмитрий сидел рядом со своим сотником и, по всей видимости, пытался понять: что же тот такое изображает угольком на куске парусины? В том, что Дмитрий ни слова не сказал Корнею о своем предупреждении насчет Власия, Мишка не сомневался – не тот парень. И самого Мишку, можно быть уверенным, никогда этим случаем не попрекнет...

С будущим Дмитрия все кристально ясно – какие бы карьерные взлеты и падения ни ждали впереди Мишку, по правую руку от него всегда будет Дмитрий, командуя всеми имеющимися в Мишкином распоряжении вооруженными силами – от одного человека и вплоть до целой армии. Если Роське – адмиральский кортик, то Дмитрию – маршальский жезл, и никак не меньше!

Артемий... Тоже, как и Роська, новоиспеченный поручик. Десятков у него только два – третий оставлен в крепости, поскольку состоит из мальцов под командованием Сеньки. Командира для того десятка, в котором он был урядником, так и не подобрал, командует сам. Впрочем, и народу там осталось всего шестеро. Дударика по малолетству в поход не взяли, да двое были ранены за болотом. Так что имеет он сейчас под своей рукой только половину от тех трех десятков, что положены поручику.

Дирижер им же сформированного «оркестра народных инструментов», собственноручно Артемием же и изготовленных, регент церковного хора, не единожды вызывавший слезу умиления у покойного отца Михаила,

восторженный поклонник «композиторского таланта» Мишки. Как пленился напетыми Мишкой мотивами еще в Турове, так и до сих пор воспринимает Мишкино «творчество» на уровне божественного откровения. А уж когда Мишка с горем пополам объяснил Артемию принцип нотной записи (хотя Артемий знал уже существующую «крюковую запись»)… да когда первый раз тренькнул струнами созданный Артемием и Кузьмой по невнятным объяснениям Мишки некий инструмент (Мишка прямо-таки с содроганием смотрел на этого внебрачного отпрыска домры и мандолины)… Артемий окончательно утвердился в мысли о снисхождении на Михаила Фролыча Лисовина божественной благодати!

Вместе с тем был Артемий храбр в бою, совсем неплохо командовал своим десятком и обладал не меньшими, а может быть и большими, педагогическими способностями, чем Роська. Если Мишкин крестник брал в основном харизмой, непоколебимой убежденностью в своей правоте и страстностью, то Артемий… Было у него какое-то интуитивное понимание гармонии. Причем во всем, а не только в музыке. Он умудрился превратить рукопашный бой в танец и выдать несколько замечаний, одобренных самим старшим наставником Алексеем. Он что-то такое посоветовал Сучку насчет резьбы по дереву, от чего старшина плотницкой артели долго ругался, скреб в бороде, сбивал шапку на затылок, хлопал себя по бедрам, но не отверг предложения. И это Сучок, для которого вообще не существовало авторитетов и который любой совет воспринимал как оскорбление! А еще Артемий надоумил зануду Прошку учить лошадь плясать под музыку и тайно репетировал с ним в любое свободное время. А еще… да полноте, до чего только не способен додуматься талантливый подросток, если не сдерживать его фантазию запретами, а, наоборот, поощрять!

Ну и, само собой разумеется, Артемий стал предметом воздыханий чуть ли не половины девичьего населения крепости и посада. А как же? Играет, кажется, на всех существующих на Руси музыкальных инструментах, весел, говорлив, эмоционален, свет повидал – чуть не половину Руси обошел, пока в «ансамбле» Свояты трудился. В отличие от других отроков, каким-то образом умудрился избежать прыщавости и прочих атрибутов «гадкого утенка», свойственных его возрасту. Девки млеют, да и он не теряется. Вот и сейчас – надыбал на трофейной ладье костяную фигурку обнаженной женщины с огромными грудями (похоже, какой-то языческий амулет), показывает ее Кузьке, что-то шепчет, и оба ухмыляются.

Именно Артемию, так уж все складывается, и предстоит в будущем возглавить Академию Архангела Михаила. Во всяком случае, сейчас Мишка другой кандидатуры не видел, да и представить себе не мог.

Кузька... Оружейный мастер Младшей стражи, а по факту, считай, главный инженер Академии Архангела Михаила, директор ПТУ, начальник опытно-экспериментальных мастерских, и вообще, на все руки мастер. Ни секунды не может высидеть спокойно, вот и сейчас щелкает орехи изобретенной приспособой для их раскалывания, угощает ядрышками Артемия и Демьяна, хихикает над тем, что нашептывает ему Артюха, тянет шею, заглядывая на Мишкин рисунок, пихает локтем сидящего рядом брата и, кажется, способен одновременно заняться еще кучей дел.

Тоже пользуется успехом у девиц, вроде бы получает от этого удовольствие, но Мишка как-то услышал разговор материных воспитанниц о том, что девки Кузьму интересуют исключительно в целях изучения их устройства и, если получится, усовершенствования.

В ином месте и в иное время, несомненно, обессмертил бы свое имя, поскольку изобрел (с Мишкиной подачи) наперсток, утюг, манекен и прялку с ножным приводом. За сей выдающийся научно-технический подвиг удостоился (единственный из мужчин!) постоянного допуска в пошивочную, и теперь был изрядно терзаем расспросами отроков о том, что в этом загадочном помещении творится.

Насчет педагогики не силен, скорее, наоборот – в мастерских постоянный шум, гам, вплоть до скандалов, «творческий беспорядок», чреватый травмами, пожарами и прочими неприятностями, но как магнитом притягивающий к себе ребят с технической жилкой. Никакой субординации – помощники лаются по техническим вопросам с Кузькой на равных, порой чуть не до драки доходит. И ничего – Кузька как-то умудряется оставаться начальником! Творческая атмосфера, одним словом.

По всему видать, быть Кузьке ректором Высшего технического училища!

Демьян... Этот изменился не так сильно. Все такой же мрачно-язвительный, злой и, кажется, становится жестоким. Тоже поручик и тоже имеет под рукой только два десятка вместо трех. Третий, по возвращении из похода, будет собирать из тех, кто остался в крепости по ранению или болезни. Городовой боярин Михайлова городка. Вообще-то для звания боярина еще молод, слово «комендант» как-то не прижилось, а попытка Мишки предложить Корнею назначить Демьяна воеводским посадником в крепости была прокомментирована дедом исключительно нецензурно. Так и осталось все в неопределенном виде. Но за порядком в крепости и на посаде Демьян следит дотошно и жестко. Каким-то образом сумел внушить если не уважение к себе, то некоторую робость даже такому скандалисту, как Сучок. На «воспитательные» затрещины не скупится, благо равных ему в рукопашке без оружия среди ровесников нет. Впрочем, умудрился дважды подраться и со взрослыми мужиками – работниками, присланными Нинеей. Один раз отметелил своего противника, а во второй, крепко получив по морде, выхватил засапожник, и быть бы крови, если бы не вмешательство мастера Нила, выбившего у Демки оружие подвернувшимся под руку дрыном. Пришлось потом Мишке долго с Демкой беседовать, иначе мог затаить зло на Нила и... Да, от нынешнего Демьяна можно ждать всего, чего угодно, в том числе и самого неприятного. Мишка все больше и больше склонялся к мысли отвести двоюродного брата к Нинее для сеанса психотерапии.

Кузька и Демьян... близнецы, еще недавно бывшие настолько одинаковыми, что даже на вопросы отвечали дуэтом, а теперь два разных человека! Кузька – копия отца, только более весел и легкомысленен, а вот Демьян... неужели братья повторяют разницу в характерах Лавра и Фрола? ЗДЕШНЕГО своего отца Мишка не помнил совершенно, тот погиб еще до «вселения», но неужели Фрол Корнеич был таким же мрачным типом, какой вырастает из Демьяна? Мать как-то обмолвилась, что кулакам волю давал, и среди ратников не слышно разговоров о покойном десятнике Фроле – ни добром, ни злом не вспоминают. Не любили его, что ли? Как он тогда десятником стал? Дед поспособствовал?

И к отцу братья относятся совершенно по-разному. Кузька, когда Лавр приехал навестить сыновей в Михайлов городок, засел с ним в мастерских (даже ночевали там), да так увлек своими техническими делами, что Лавр вместо намеченной пары дней пробыл в Михайловом городке почти неделю. А у Демьяна отношения с отцом явно не складываются – похоже, не может простить Лавру отношения к матери. За время визита отца и парой слов с ним не

перемолвился, только поздоровался да попрощался. Зато во время приездов в Ратное практически все время проводит с матерью.

Похоже, такое несовпадение характеров двойняшек – тоже семейная лисовиновская черта, вон и Анька с Машкой совсем разные. Анька вся в эмоциях и страстях, убеждена в том, что весь мир обязан крутиться вокруг нее, все, что непосредственно не касается ее особы, как бы и не существует, а все, что касается, истолковывается только с точки зрения «нравится или не нравится». Машка же суховата, деловита, выглядит старше и умнее сестры-близняшки. Да уж, лисовиновский корень...

Матвей... Вот уж кому досталось! Бурей – урод гориллообразный – уже после соединения в рыбацкой веси надумал учить Мотьку прекращать муки безнадежно раненных, как это только он один умеет. Выбрал в качестве «учебного пособия» одного из пленных и... не смог Мотька – то ли силы в руках нужной не оказалось, то ли что-то неверно сделал – но что он при этом пережил! Хорошо хоть, хватило у обозного старшины ума после этого «урока» напоить парня вусмерть чем-то хмельным. Но... слышал Мишка шепоток про то, что у него самого порой глаза стариковскими бывают, а у Матвея они, похоже, такими насовсем сделались! Бурей, угребище страхолюдное! Исполнить, что ли, пророчество? Руки так и чешутся... но Юлька, Настена... да и к Мотьке этот урод, похоже, какие-то теплые чувства испытывает. За неимением собственных детей, что ли? Или Настена наворожила?

Матвей тоже изменился за прошедшее лето, да и не удивительно – сколько больных, раненых и умирающих через его руки прошло? Теперь это уже не тот Мотька, который брякнулся в обморок, после того, как Мишка «расколдовал» его на первом заседании Совета Академии. Все больше и больше проглядывает в нем такая же лекарская одержимость, как и у Юльки, но спрятанная под маской склонного к черному юмору врача-цинника.

Помощницы Юльки – Слана и Полька – влюблены в Мотьку, что называется, наповал, а он воспринимает это как должное и помыкает обеими без зазрения совести. Это – на первый взгляд, а на самом деле... Рассказывала Юлька, что заботится Матвей о девчонках, как о младших сестрах, а однажды, когда кто-то из отроков обидел Слану, вдруг выяснилось, что приемами рукопашной схватки лекарь Матвей владеет чуть ли не как Демьян. Отделал обидчика по первое число да еще и пообещал, что никто, кроме обиженной Сланы, его лечить не

станет. Обидчик потом, исходя кровавыми соплями и перекосившись на вывихнутое плечо, в голос молил Слану о прощении.

А вот от Юльки Матвей готов стерпеть все, что угодно. Будучи однажды пойманным на том, что «полечил» двоих симулянтов лошадиной дозой слабительного, по приказу лекарки безропотно выпил то же самое лекарство, которым попользовал симулянтов, да еще и тост произнес: «О здравие премудрой благодетельницы Иулии!» – а потом, отвесив Юльке поклон, вальяжной походкой направился в сторону нужника.

«Мда-с, ближний круг... даже странно как-то – ни одной заурядной личности или посредственности. Каждый в чем-то талантлив или, по меньшей мере, нестандартен. Впрочем, это-то как раз и прекрасно – с этими ребятами, сэр Майкл, вам предстоит... черт его знает, что вам предстоит. Вдуматься только: на изменение истории замахнулись! Все, что вы, досточтимый сэр, вытворяли в Погорынье, могло бы, пожалуй, пройти для реальной истории бесследно, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на будущее. Все-таки, с бабочкой уважаемый Рэй Брэдбери, пожалуй, преувеличил – воздействие требуется более существенное. Придет Орда и кровавой метлой выметет все, что вы тут успеете создать и всех, кто благодаря вам получил «несвоевременные» знания и навыки.

Это если вы не выйдете за пределы Погорынья... Но вы уже вышли! Пусть не по собственной воле, а по приказу лорда Корнея, но вмешательство в конфликт Мономашичей и полоцких Всеславичей – вмешательство в большую политику, а значит, вполне заметное воздействие на реальную историю. Ну, а если продолжите? Если у вас получится задуманное?

Хватит! Решение уже принято! Россия стоит того, чтобы потратить ради ее будущего доставшуюся по случаю вторую жизнь! Если хоть часть русских не попадет в ярмо кочевников, если хоть на несколько лет или десятилетий раньше погибнет Золотая Орда, может быть, это поможет сохранить в душах тот самый свет, об утрате которого говорил на смертном одре отец Михаил? А даже если и нет – все равно попытаться я обязан!

Вот прямо сейчас и начнем. Не ради славы, не ради добычи, хотя и это все – тоже ресурс, но ради получения новых ВОЗМОЖНОСТЕЙ влиять на события. Помнится, в самом конце восьмидесятых вдруг, на краткое время, стала очень

популярной фразы: «Хватит что-то строить, давайте просто жить». А вот хрен вам всем! «Просто жить», как скотина в хлеву, мы не будем! Мы будем строить... что строить? А Россию! Вот так, не больше и не меньше! Пусть это будет даже и не фундамент будущего здания, а всего лишь котлован под него. Ничего, поработаем землекопами! И вот эти мальчишки из «ближнего круга» станут... ну, не знаю, может быть и никем не станут, а возможно, окажутся основоположниками нового государства, или персонажами легенд, вроде рыцарей Круглого стола, или святыми, или...

Но сейчас... Сейчас ребятам надо объяснить, что, выйдя за пределы Погорынья, мы автоматически встречаем в такую серьезную и опасную вещь, как политика. Если в Погорынье сотня пацанов с самострелами представляют собой какую-никакую силу, а воевода Корней является если и не всесильным владыкой, то субъектом, к этому статусу приближающимся, то в межкняжеских разборках Младшая стража практически никто и ничто, а Корней – мелкая сошка, стоящая заметно ниже княжеских бояр.

Вот и попробуй, совместить несовместимое – чтобы и место свое правильно поняли, и энтузиазма не растеряли... ведь пацаны же, ни масштабов событий не понимают, ни опасности по-настоящему не сознают...»

Мишка критически осмотрел получившуюся у него «политическую карту Киевской Руси». Получилось не то чтобы плохо, а вовсе из рук вон... Если взаимное расположение княжеств он еще как-то себе представлял, то их размеры и конфигурацию границ не помнил совершенно! Пермышльское, Северское и Городненское княжества изобразил по наитию, а из рек начертил только Припять, Днепр и Неман. Но аудитория и таких-то карт никогда не видала! Более того, Мишка был уверен, что отроки не видели вообще никаких других карт, кроме «Карты мира», изображенной им на коровьей шкуре. Поэтому... сойдет и так – для того, что задумал Мишка, вполне годилась и такая «карта».

– Мить, а Илья-то где?

– Сейчас подойдет, Минь, он десятника Егора с собой привести захотел... ну, я не знаю, можно или нельзя?

– У нас Совет или не Совет? – тут же влез в разговор Демка. – Чего чужих-то тащить?

– Совет-то Совет... – Мишка и сам еще не решил, стоит ли Егору слушать их разговоры, – но приглашать на него нужных людей нам же никто не запрещает. К тому же мы сейчас не о делах Академии рассуждать будем, а о том, что и как дальше делать. Думаю, присутствие десятника Егора нам не помешает, да и подсказать что-нибудь полезное он может. И вообще, господин советник Илья Фомич – старейшина нашей Академии и сам может решать, кого приглашать на Свет, а кого не приглашать!

– Ну-ну... – Демьян больше ничего не сказал, но всем своим видом изобразил недовольство.

– Вон, идут уже! – прервал дискуссии Роська. – Только он, глядите, еще и Треску с Дырккой позвал!

Действительно, к костру, вокруг которого расположились отроки, приближалось сразу четверо мужчин: обозный старшина Младшей стражи, он же старейшина Академии Архангела Михаила Илья, десятник ратнинской сотни (а теперь уже старшей дружины Погорынского войска) Егор, командир отряда огнецов Семен Дырка и командир лесовиков-дреговичей Треска.

«А вот это он, пожалуй, зря, но не гнать же! Так, быстренько корректируем текст политинформации с учетом вновь прибывших слушателей... Хоть бы предупредил, старейшина, туды его...»

– Встать, вежество не забывают! – негромко предупредил Мишка отроков. – Взрослые мужи к нам пришли.

Подавая отрокам пример, сам первый поднялся на ноги и, дождавшись, когда мужчины войдут в световой круг костра, отвесил пришедшим вежливый поклон. Отроки повторили его действия, а пришедшие отреагировали на приветствие каждый по-своему.

Илья поклонился в ответ, умудрившись при этом хитро подмигнуть Мишке. Егор тоже ответил на приветствие, но ухмыльнувшись, мол, знаем, знаем ваши хитрости. Семен Дырка явно подобного не ожидал и, как-то непонятно шевельнув вместо поклона своим объемистым чревом, пробормотал любимое присловье «Дырка сзади!», а Треска, солидно огладив бороду, ответил снисходительным кивком, но при этом смотрел настороженно, словно ожидая внезапного нападения.

– Здоровы будьте, честные мужи! – вымолвил Мишка «протокольным» тоном. – Гостям место!

Роська, Дмитрий и Матвей, правильно поняв последние слова Мишки, освободили гостям место на стволе поваленного дерева. Егор, Семен и Треска с достоинством уселись на бревно, а Илья, не чинясь, устроился прямо на травке – на подстеленном пустом мешке.

– Итак, господа Совет, – дождавшись, когда все усядутся, произнес Мишка все тем же официальным тоном, – Совет Академии почти в полном сборе, недостает только Петра и Николая Никифоровичей. Бог милостив, будем надеяться, что наставник Евстратий их вместе с остальными отроками уже в лесу отыскал. Опричь того, нас изволили почтить своим присутствием честные мужи: Егор, Семен и Треска. Господин старейшина, благослови начинать!

– Э-э... – Илья явно не ожидал от Мишки такого выверта и несколько растерялся, – Значить, это самое... зачнем, помолясь!

Первым на слово «помолясь» отреагировал, конечно, Роська – вскочил, обнажил голову и начал:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий...

– Молитв ради, – дружно подхватили отроки, а чуть позже и Илья с Егором, – Пречистой Твоей Матери и всех святых, помилуй нас.

Семен Дырка сначала изумленно выпучил глаза, потом спохватился, но присоединиться успел только к заключительным словам:

– Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Треска в то время, пока остальные молились и осеняли себя крестным знаменем, сидел неподвижно, с каменным лицом, словно вокруг него не происходило вообще ничего. Только рука его дернулась к висящему на поясе мешочку (видимо, внутри был какой-то оберег), но дреговический старейшина сдержался. Так и сидел истуканом, игнорируя недоуменные, а то и враждебные взгляды отроков. Роськин-то взгляд уж точно был враждебным.

«Ну-ну, любезнейший, почувствовал, что значит быть чужим? Еще и не раз почувствуешь, коли за нами в поход увязался, а уж я-то постараюсь, чтобы тебе очень и очень захотелось стать своим! Во время суда над Спирькой ты рядом со мной на крыльце стоял, и приговор на подпись тебе дали. Когда в рыбацкой вдове дед задачи нам всем ставил, он несколько раз твою ватагу лесовиков дружиной назвал. Не боярской, но все-таки дружиной, а лорд Корней ничего случайно не делает и не говорит, тем более в подобной ситуации. Ну, ты и надулся – как же, за ровню держат! И тут тебе облом – пока ты язычник, по-настоящему своим тебе не быть! Возрасту твоему ребята почтение выказали, а насчет чего-то большего – извини, подвинься.

И это еще не все! Мы тебе, бог... гм, даст, еще не раз покажем, как неудобно и невыгодно быть в нашей компании язычником, и придется тебе это проглотить, никуда не денешься, а когда впоследствии ты узнаешь, что Егора в воеводские бояре поверстали... Вот тут-то ты и задумаешься. Ну, и аз, многогрешный, тоже на нужные мысли тебя навести попытается...»

– Итак, господа Совет, – Мишка взглядом «собрал внимание» сидящих вокруг костра, – сейчас нам надлежит осмыслить сведения, полученные от пленников, и принять решение о наших дальнейших действиях. Да, приказ воеводы погорынского остается в силе, но он, отдавая его, еще не знал того, что мы узнали при допросах пленных, а потому и решение о том, как нам наилучшим образом исполнить свои обязанности, мы примем самостоятельно. Для того же, чтобы по молодости лет нам чего-то не упустить, не понять превратно и не поступить опрометчиво, на наш Совет приглашены умудренные жизненным и воинским опытом мужи... – Мишка отвесил легкий поклон в сторону сидящих на бревне. – Мнения их и советы нам надлежит выслушать со вниманием и благодарностью...

– А чего тут рассуждать-то? – перебил Мишку Семен Дырка. – Переть на полоцкое войско нам нельзя, а вот засесть туточки да ладьи их перехватывать – в самый раз будет! И ворогу ущерб, и нам прибыль! И немаленький прибыль-то!

– Благодарствую! – Мишка дополнил словесную благодарность вежливым склонением головы в сторону «адмирала Дрейка». – Итак, господа Совет, честной муж Семен Дырка из Огнева мнит целью нашего пребывания здесь добывание прибьтка себе и нанесение ущерба полоцкому войску. Правда, полочане об этом ущербе узнают еще не скоро...

– Да нам-то что с того? – снова перебил Мишку Дырка. – Пускай хоть и вовсе не узнают...

– Не перебивать боярича! – злобно оскалившись, рявкнул Демьян.

– Чего ты сказал, цыпленок? Ты как со старшими...

Договорить Дырке не дали. Во всей красе проявились в ребятах последствия обучения у Андрея Немого – научились они выражать свои чувства и намерения не только голосом или выражением лица! Лица господ советников мгновенно окаменели, по ушам присутствующих скребанул звук кольчужных рукавов, проехавшихся по подолам кольчуг, руки отроков легли на рукояти оружия, а тела подались вперед, готовые мгновенно распрямиться во весь рост. Вся эта пантомима была исполнена так слаженно и красноречиво, словно ребята долго и тщательно ее репетировали.

Подействовало! Зрачки глаз Семена Дырки суматошно метнулись туда-сюда, тело дернулось, зацепив локтем сидящего рядом Егора, рот приоткрылся... да так и остался открытым, не выпустив из себя ни звука. На командира огневской дружины глянула Смерть. Именно так – с заглавной буквы! Причем глянула сразу со всех сторон, разве что не сзади!

Мишка уже набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть «отставить!», но Илья успел раньше:

– Хе-хе, Семен, а я ить тебя упреждал: «Хочешь на Совете Академии быть – не рушь наш уряд!» Ежели отроки вежество блюдут, это и не значит вовсе, что они... как ты сказал? Цыплята? Хе-хе, а цыплятки-то эти уже под две сотни ляхов уложили, да и до того... тоже всякого попробовали – не впервой им, не впервой. И сам боярич Михайла Фролыч... ты ж видал, как он суд и расправу чинит? Видал-видал... и стоял молча. Ведь молча же? Про цыплят-то и не вспоминал?

Илья выдержал паузу, расправил усы и, вдруг сменив тон с издевательски-ласкового на угрожающий, скомандовал:

– Вот и сейчас не вспоминай! А коли невтерпеж, ступай от греха... к своим, пока куда подальше не послали!

– Кхгрым... – прокашлялся Егор прямо Семену в ухо, хоть и невнятно, но весьма красноречиво поддержав высказывание Ильи.

Единственное действие, которое смог воспроизвести в ответ «адмирал Дрейк», – захлопнуть раскрытый рот.

«Ох, бли-ин! Они что же, и вправду себя такими крутыми воображают? Мы же их этому не учили! А что вас удивляет, сэр? Зубки щенки испытали в деле, кровушки попробовали, силу стаи своей ощутили, а битыми... по-настоящему битыми не были еще ни разу! Чего ж им не воображать-то? Мужики воинские, хозяева жизни и смерти! И никак не меньше... пока из них это приятное заблуждение какой-нибудь добрый дядя не вышибет вместе с зубками... а то и вместе с мозгами! На скользкую тропку вы своих пацанчиков завели, сэр Майкл, на очень скользкую! Хреново кончиться может... и для них, и для вас, досточтимый сэр!»

– Поручик Демьян! – Мишка постарался обозначить голосом максимальную строгость. – Ты что себе позволяешь? Хочешь, чтобы честные мужи наше вежество притворным посчитали? Самому не совестно, так хоть о господине воеводе подумай: что люди скажут? Что Корней Агеич внуков невежами воспитывает?

– Виноват, господин сотник! – отреагировал на выговор Демьян, всем своим видом демонстрируя, что виноватым себя не считает.

– То-то, что виноват! Ты еще и старейшине нашему сгрубил – высунулся поперек него! Или тебе неизвестно, что только ему по возрасту возможно зрелым мужам указывать? Или ты себя умнее Ильи Фомича считаешь?

– Виноват, господин сотник, не подумал, дурака сваял! – Демьян, хоть и не считал Илью светочем мудрости, но, кажется, понял, что при посторонних этого показывать нельзя. – Винюсь!

– Не держи зла, дядька Семен! – Мишка, в очередной раз склонил голову в сторону «адмирала Дрейка». – Ребята молоды еще, горячатся не в меру.

«Задолбал, угребище речное, кланяюсь тебе, как болванчик! На хрен Илья тебя на Совет притащил?»

– Это... да... – Дырка потрогал распухший нос. – Понятно, в общем. Учить вас еще – не переучить! Ладно... прощаю.

– Продолжаем, господа Совет...

Мишка запнулся, наткнувшись на оценивающий взгляд Трески. Похоже, дреговический старейшина прекрасно понял смысл разыгранной Мишкой сцены.

«И этот еще пялится... психоаналитик хренов! Ну, Илья, туды тебя поперек, устроил нам заседание Совета... Вместо того, чтобы делом заниматься, политесы разводим... как в Версале».

– Одно мнение у нас уже есть! Честной муж из Огнева предлагает остаться здесь и перехватывать полоцкие ладьи. Другие мнения есть?

– Приказ был идти к Пинску! – подал голос Дмитрий. – Значит, туда и надо идти, а уж там искать, как и чем ворогам навредить! О прибытках же думать... не на торг приехали, сие воинам неуместно!

«Еще один идеалист... или притворяется? Э-э, сэр Майкл, а заместитель-то ваш не прост! Похоже, он вознамерился уравнивать огнецев с погостными ратниками – не воины, а торгоши!»

– Ну, обычай «что с бою взято, то свято» еще никто не отменял! – поправил Мишка Дмитрия. – Однако старшина Дмитрий прав – мы сюда не ради добычи пришли, но, в первую голову, ради чести и славы, как честным воинам быть и надлежит!

– Господин сотник, дозволю спросить! – Артемий поднял руку, словно ученик в классе.

– Слушаю тебя, поручик Артемий.

– Вот ты сказал, что полочане об ущербе узнают еще не скоро. Ну, я понимаю: ушли ладьи от Пинска и ушли, и что с ними дальше случилось, полочанам неведомо. Так может быть, это и хорошо? Мы свое дело делаем, а враг об этом и не знает!

– Во-во! – оживился Семен Дырка. – Верно мыслишь, парень!

– И об этом подумаем! – Мишка покивал головой. – Должно ли полочанам о нашем приходе знать, или лучше дела свои нам в тайности творить. Еще кто-то сказать чего желает?

– Я желаю! – Роська вскочил на ноги и обличающе простер руку в ту сторону, где, по его мнению, располагался Пинск. – Они... это самое... князя полоцкие! Они с Киевом ряд заключали! Потому великий князь Владимир Мономах им жить и позволял! Они крест Киеву целовали, а ныне то крестное целование порушили! Клятвopреступников карать надлежит! И не отъемом имущества, тем более разбоем добытого, а кровью и смертью! И не прятаться, а послать полочанам весть: «Покайтесь и смиритесь, не то кара настигнет вас волею Божьей и рукой

человеческой!» Мы справедливость творить пришли, какая тайность? Открыто и в назидание остальным, зло умышляющим, ибо, если грех остается безнаказанным...

- Все-все-все... - Мишка успокаивающе выставил в сторону Роськи раскрытые ладони. - Мы тебя поняли, поручик Василий. Твое мнение - идти к Пинску.

- Да! И не медля!

«Ну, прямо комиссар! «Идеологическая подкладка» в лучших традициях! И с судом над Иудой Спирькой перекликается, и в рамках официальной идеологии, и на злобу дня, и в тему совещания... политрук, да и только!»

- Еще мнения есть?

- Зажигательные болты бы в деле испробовать... - неожиданно выдал Кузьма. - Это я к тому, что если к Пинску пойдём, то там ведь у полочан стан должен быть. Ну, а если стан, да не первый день... то есть обустроенный, так в нем и шатры, и навесы какие-нибудь, и телеги с поклажей, и... прочее всякое. Днём все высмотреть издалека, а ночью подойти, да зажигательными болтами ударить! Вот и выясним, дело мы измыслили или игрушки пустые...

- Ага! - подхватил мысль брата Демьян. - Вот тогда-то они про ущерб сразу узнают! Да и в городе с заборол углядят и поймут, что к ним подмога подошла! Артюха, какие тайности? Пинчанам важно знать, что их в беде не бросили, а полочане же наверняка опасаются, что князь Вячеслав вот-вот из Степи возвратится да всей силой по ним ударит! Вот мы им это и покажем... Кузька, сколько у тебя болтов зажигательных? Надо, чтобы много было, чтобы подумали, будто большое войско на подходе!

- Значит, идти к Пинску?

- Да! - хором, совсем как в прежние времена, отозвались Кузьма и Демьян.

- Матвей, а ты что скажешь?

– Я лекарь... – Матвей пожал плечами и, видимо, собрался ограничиться сказанным, но неожиданно продолжил: – Если пойдём к Пинску, будут убитые и раненые, а если засядем здесь... тоже будут, но меньше. Я за то, чтобы убитых и раненых было бы поменьше.

– Понятно...

– Да ничего тебе не понятно! – неожиданно повысил голос Матвей. – Кому еще, как Исидору, тебя своим телом прикрывать придется?

Мишка дернулся, как от пощечины, и на несколько секунд растерялся – такого он от Матвея никак не ожидал! А Матвей распалялся все больше:

– Честь, слава, добыча! Как вы в глаза Анне Павловне посмотрите, если с Минькой что-то случится? А если с ним или с ним? – Матвей по очереди ткнул пальцем в сторону Кузьмы и Демьяна. – Нас в род приняли, родней назвали, хлеб и кров дали! А мы что? Миньку на Князьем погосте только чудом не убили! Вам этого мало? А если в этот раз его некому прикрыть будет...

– Молчать! – окрик Егора ударил по ушам, как дубиной, а сам десятник ратнинской сотни, наступив ногой прямо в костер, метнулся к Матвею и врезал ему так, что лекарь, лязгнув зубами, отлетел от костра сразу на пару шагов. – Молчать, примочка сраная! Встать! А ну, встать!

Матвей валялся на земле, не шевелясь, и Егор, поняв, что обращаться к нему бесполезно, обернулся к костру и обвел бешеным взглядом остолбеневших отроков.

– За такие разговоры у нас убивают! Сразу и не раздумывая! Если взял в руки оружие – будь готов принять смерть! Поняли? Я спрашиваю: поняли?

– Так точно, господин десятник! – что-что, а эту-то науку отроки усвоили прекрасно, проорали ответ четко и дружно, Егор даже удивленно вскинул брови.

– Сопляки, щенки, недоноски, дерьмо свинячье... – У десятника ратнинской сотни явно пошел отходняк, и того, что он надумает добивать валяющегося в нокауте Матвея, можно было уже не опасаться. – Для чего доспех нацепили? Перед

девками красоваться? Что о себе надумали? Вы только стреляете, а враги только падают? А вот хрен вам всем в зубы, чтобы голова не шаталась! Они тоже стреляют, а мы тоже падаем! А еще они колют и рубят! Воевать без потерь вознамерились, баклуши необтесанные? Даже и не мечтайте! Из этого похода вас вернется только половина! Так себе и разумеите! А кто собрался жить вечно, того я своей рукой приблю! Будете умирать! Будете кровью блевать! Будете в собственных кишках ногами путаться! Но пойдете туда, куда прикажут, и что приказано, исполните!

Егор развернулся в сторону Семена Дырки, тоже застывшего с выпученными глазами, и пнул сапогом край кострища так, что зола и искры полетели тому прямо в лицо.

– А тебе, боров огневский, если еще хоть раз заикнешься о том, чтобы приказ не выполнять, я еще десяток дырок наковыряю, и не только сзади! Или будешь делать, что прикажут, или... вон отроки еще не обучены живому человеку глотку резать. На тебе и твоих обормотах как раз и поучатся!

Семен, видимо, почувствовал, что Егор только угрожает, а делать ничего такого прямо сейчас не будет, и уже собрался ответить (поскандалить-то он, чувствовалось, был мастер), но опять из этого ничего не вышло: Демка, зловеще ощерясь, вдруг каркнул как-то по-вороньи:

– Этого, для учебы, нам с Кузькой дайте!

Если поведение взрослого мужчины было огневцу понятно, то чего можно ожидать от этих необычных пацанов... Семену сразу же расхотелось спорить и скандалить, но глянул он на отроков так, что Мишка сразу вспомнил высказывание: «Ненавидят того, кого боятся».

Егор, не обращая ни малейшего внимания на все эти тонкости, ткнул указательным пальцем в сторону Артемия и рявкнул:

– Встать, погремушка бестолковая!!! Ты что тут про тайность тархтел?!!

– Да я только спросил...

– Ты спросил, как ПРИКАЗ НАРУШИТЬ! И после этого ты хочешь воином быть?!!

«Сэр, а ведь это же в ваш огород камень! Именно вы допустили на заседании Совета обсуждение, как не выполнять приказ лорда Корнея! Вместо того, чтобы пресечь подобные разговоры в корне, проявили, как выражались в советские времена, гнилой либерализм!

Где я и где либерасты? Но и возразить-то нечего – Артюха сейчас вместо меня вздрючку получает – Егор мой авторитет бережет... Ох, мать честная, так он что же, вспышку бешенства только изобразил, а сам спокойным оставался?

А вы что, сэр, еще на срочной службе не убедились, что офицерье по любому поводу и без повода умеет матерные арии исполнять? А ЗДЕСЬ еще и рукоприкладство в отношении сопляков не возбраняется – ни тебе уставов, ни правозащитников, ни комитета солдатских матерей... а если бы даже и были, то телесные наказания нынешняя педагогика признает вещью нормальной и даже полезной».

– Воин живет, чтобы побеждать! – продолжал орать Егор. – Воины, неспособные победить, никому не нужны, а неисполнение приказа – то же самое поражение! Назвался воином – победи или умри, а спасешься неисполнением приказа – свои убьют!

– Так точно, господин десятник! – вклинился в паузу Артемий. – Дозволь исполнять?

– Чего? – опешил Егор.

«Ага, а этого-то военного прикола вы, господин десятник, не знаете! Ну, Артюха, ну артист!»

– Дозволь подать голос, как советнику Академии Архангела Михаила! – пояснил Артемий. – Я же только спрашивал, а теперь должен свое мнение сказать, так же как и остальные!

– А?.. Тьфу, чтоб вас всех с вашими игрищами... мнение у него, понимаешь... советник сопливый...

– Господа Совет! – Артюха сделал вид, что воспринимает ругань Егора как разрешение высказаться. – Считаю нужным идти на Пинск, дабы создать беспокойство для полоцкого войска, ободрить осажденных горожан и отвлечь полочан от подходящих ратников воеводы Корнея! Пускай враг опасность сразу с нескольких сторон ощутит! А над ними, – Артемий указал на Семена Дырку, – чтобы дурных мыслей больше не возникало, поставь бы начальником ратника Фаддея Чуму! Он им быстро покажет, что к чему!

Кто-то из отроков фыркнул, Егор тоже, видимо, вообразив, что может «показать» огневцам Чума, с трудом сдержал улыбку и ответил уже почти добродушным тоном:

– Но-но! Ты меня не учи, кого над кем ставить, молод еще... – десятник обернулся на начавшего шевелиться Матвея. – А этого убрать отсюда! Лекарей послушать, так и вовсе воевать нельзя, на военном совете им делать нечего!

– Антон! – окликнул Мишка маячившего неподалеку своего адъютанта. – Помоги лекарю Матвею, отведи его и устрой где-нибудь!

– Слушаюсь, господин сотник! – донеслось в ответ.

– Ну, вот так, значит, – Егор снова занял свое место на бревне. – Давай, Михайла, излагай, чего ты сказать хотел, вижу же, что приготовился.

«Перетопчешься! Еще не хватало, чтобы ты, как председатель, мне слово предоставлял! А вот хрен тебе!»

– Еще один советник не высказался, – напомнил Мишка. – Илья Фомич, что скажешь?

– Э-э... Мысля Семена Варсонофьича, конечное дело, неправильная, и приказы исполнять мы обязаны. Но! – Илья назидательно вздел указательный палец. –

Мысля его полезная! Полезная именно для воинского дела, хотя сам он этого, по всему виду, и не понимает! – Илья хитро прищурил один глаз и, выдерживая артистическую паузу, оглядел удивленных слушателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вот перл, который автор своими ушами услышал в Гарвардском университете от профессора, преподающего историю будущей элите США. «Современные исследования показывают, что декабристы «Южного общества» исповедовали идеалы демократии примерно в том же ключе, что и Михаил Горбачев, а декабристы «Северного общества» – примерно так же, как Борис Ельцин».

2

Интермодальный коридор – международный транспортный (а в последнее время и информационный) коридор глобального стратегического значения, существующий десятилетиями, а то и веками. Самый древний из известных интермодальных коридоров – Великий Шелковый путь. Именно к таким транспортно-экономическим феноменам относился и путь «из варяг в греки». Сам термин «интермодальный» означает «скоординированный по всем составляющим».

3

В 1971 году, в самом сердце Карпат, автору довелось беседовать с егерем в заповеднике. Отец и дед этого человека тоже были егерями, и он с гордостью (!) рассказывал о том, что любая власть выдавала ему (и его предкам) разрешение на ношение оружия. «Ото всех есть! – говорил он. – От императора Франца-Иосифа, от Скоропадского, от Петлюры, от Пилсудского, от Гитлера, от Сталина... все ушли! И вы уйдете!» Автор тогда только усмехнулся (молодой был, а Советский Союз казался незыблемым, хотя существовать ему оставалось всего двадцать лет). Теперь это все видится иначе.

4

Еще раз напомним: речь идет не об известном многим Святополке Окаянном (брате Ярослава Мудрого), а о Святополке II (правнуке Ярослава Мудрого).

5

Брячиславу Святополчичу на момент смерти отца в 1113 году было всего девять лет.

6

И не надо путать князей Городненских с князьями Городецкими. Городец стоял совсем в другом месте – на Волге – и в двенадцатом веке еще не существовал.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krasnicky_evgeniy/sotnik-beru-vse-na-sebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)